

ПОЛИТИКА КОРЕНИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СОВЕТСКОМ КАЗАХСТАНЕ (1923—1936 гг.)

Настоящая статья посвящена коренизации, являвшейся важной составной частью национальной политики Советского государства в Казахстане. Коренизация была направлена на преодоление отчуждения казахского населения и обеспечение защиты интересов национальных меньшинств. Коренизация должна была способствовать преодолению фактического и правового неравенства. В статье рассматриваются основные направления коренизации, выделены основные этапы в соответствии с обозначенными подходами. Показано, что политика коренизации способствовала обострению межэтнической конкуренции в сфере управления, но в итоге обеспечила рост национального самосознания казахов и успешную интеграцию советского общества.

Ключевые слова: Советское государство, коренизация, национал-коммунисты, русские, казахи, этническое представительство, позитивная дискриминация.

В национальной политике полиэтнических государств важное место занимают проблемы представительства интересов этнических меньшинств. В демократических обществах вопросы представительства интересов меньшинств решаются практикой позитивной дискриминации в управленческом аппарате либо через создание в «многосоставных обществах» определенных правил блокирования решений, ущемляющих этнические, религиозные и расовые меньшинства, что создает возможности консенсуса с этническим большинством. Впервые практика государственной поддержки национальных меньшинств путем ликвидации их фактического неравенства была введена в Советской России в ходе проведения политики коренизации, ставшей неотъемлемой частью более широкой программы национальной политики. В этой связи интересен опыт проведения коренизации в Казахстане — одном из самых сложных регионов бывшего СССР для регулирования межэтнических процессов. В настоящей статье нас интересует место коренизации в национальной политике Советского государства, ее конечные цели и достижения.

В исторической науке существуют различные трактовки национальной политики Советского государства в целом и политики коренизации в частности. В советской исторической науке и в исследовательских дискурсах в странах СНГ национальная политика и коренизация понимается через призму создания управленческого аппарата из представителей «коренных» национальностей. Это произошло за счет создания национальных кадров и введение в официальное делопроизводство языка титульной нации [1—4]. О. И. Чистяков считает, что значимость коренизации заключалась в необходимости привлечения в создаваемые органы государственного управления национальных регионов представителей местного населения, которое в большинстве своем либо вообще не знало русского языка, либо знало его очень плохо: «В условиях еще неизжитого недоверия к русским, унаследованного от царизма и ста-

рательно разжигаемого националистами, было необходимо, чтобы трудящиеся национальных районов видели своих представителей в органах управления автономных республик, областей, трудовых коммун» [4, с. 164].

В зарубежной историографии национальная политика Советского государства рассматривалась как комплекс вынужденных мер, призванных способствовать новому объединению страны и проведению новой имперской политики ассимиляции национальных меньшинств. [5, с. 299—300; 6, с. 472—474]. Коренизация для исследователей представляется только инструментом завоевания доверия национальных меньшинств и зачастую сводится к нативизации или индигенизации управленческого аппарата [7, р. 206].

Объективистский подход в оценке национальной политики большевиков и практики нацистроительства присутствует в работах Р. Суни и Т. Мартин. Р. Суни исходит из верности советского руководства идеологии равенства народов и полагает, что большевики действительно считали необходимым поднять культурный уровень отсталых народов до уровня развития передовых европейских наций. С этой целью, пишет Р. Суни: «СССР начал политику, которая была названа программой аффирмативных актов (позитивной дискриминации. — С. К.), предоставлявшую привилегии коренным жителям на их собственных национальных территориях. В первые годы Советской власти политика коренизации ставила цель дать образование на родных языках нерусскому населению, продвигать его социально, чтобы его представители постепенно стали занимать руководящие позиции в образовании, культуре, промышленности, в партии и государстве» [8, р. 109].

Коренизация, по нашему мнению, не выходила за рамки советской национальной политики 1920—1930-х годов, направленной на ликвидацию фактического и правового неравенства народов СССР. Коренизация предполагала интеграцию всех народов

страны на новом качественном уровне. А. Моррисон отмечает, что в европейских колониальных империях интегративная стратегия, предполагавшая достижение правового и политического равенства жителей метрополии, европейских поселенцев и коренных жителей колониальных владений, считалась химерой. Возможность равенства допускалась только в отношении европейских переселенцев и жителей «материнской» метрополии [9, р. 332 – 333].

Политические цели политики коренизации были определены на XII Съезде партии в 1923 г., на котором широко обсуждались национальные проблемы. Поставленная на съезде задача фактического выравнивания уровней развития народов и устранение их хозяйственного, культурного и политического неравенства потребовала «создания дешевого и действительно нового, действительно социалистического аппарата» [10, с. 86].

Отсчет коренизации начинается с принятия 22 ноября 1923 г. декрета КазЦИК о введении делопроизводства на казахском языке. Согласно намеченному графику с января по июль 1924 г. все официальное делопроизводство в казахских волостях должно было быть переведено на родной язык. С целью контроля над проведением коренизации был создан специальный орган — Комиссия при КазЦИК по коренизации. С конца 1923 г. начали деятельность губернские и уездные подразделения республиканской Комиссии по коренизации.

Политика коренизации предусматривала проведение в жизнь комплекса мер, предназначенных для привлечения казахов в государственное управление, модернизации социальной структуры этноса через формирование кадров индустриальных работников. На первом этапе главной задачей ставилась коренизация управленческого аппарата. В директивном письме краевое руководство особо отмечало цели и политическую значимость успеха коренизации, которая «является единственно мыслимым мероприятием, способным действительно вовлечь трудящиеся массы КАССР в советское строительство. Коренизация аппарата преследует следующие цели: а) сделать аппарат доступным широким массам населения; б) вовлечь казахов в советское строительство; в) поднять активность и самостоятельность казахских масс; г) создать почву для экономического и политического развития ранее угнетенных национальностей; д) устранить посредников между аппаратом и населением» [11, с. 111].

Краевое руководство учитывало невозможность быстрого осуществления коренизации и необходимость привлечения к сотрудничеству казахский образованный слой. Несмотря на прессинг в отношении националистов и сочувствующих им национал-коммунистов, Советское государство шло навстречу чаяниям казахского «просвещенного класса» и простого народа, осуществляя привлечение казахов в государственное управление. На первом этапе коренизация аппарата шла методом процентной нормы, предполагавшим проведение практики позитивной дискриминации русского населения. Политика позитивной дискриминации или «положительной деятельности» (Т. Мартин) была изобретением большевиков, а не индийских националистов в середине XX века. В каждом учреждении устанавливался обязательный процент штата казахских работников.

Подготовка кадров велась в профессиональных учебных заведениях. В 1925 г. в республике насчитывалось 42 средних учебных заведения, в которых обучалось 1790 казахов [12, с. 263 – 264]. Ускоренными темпами рекрутировались казахи в ряды

республиканской партийной организации. В 1922 г. численность казахских коммунистов составляла 1481 человек (8,9 % от общей численности партийцев), с 1924 по 1 января 1926 г. численность казахских коммунистов выросла в семь раз, с 1539 до 11634 человек. Большая часть новых коммунистов была малообразованной. На 1 января 1926 г. из 11634 казахов — членов партии 4432 были азбучно неграмотны (38 %), из 6225 партийцев из числа национальных меньшинств азбучно неграмотны были 1471 человек (923 %). Из 15399 русских коммунистов неграмотен был только 631 человек (4 %) [13].

Юридический «пробел» позволял многим руководителям обходить грозные директивы «сверху». Работникам европейских национальностей не вменялось в обязанность знание казахского языка. Политика позитивной дискриминации вызывала недоумение и сопротивление не только «европейских» ответственных работников, но и широких слоев русского населения, переносивших неприязнь и обиду на казахское население. На местах имело место игнорирование требований республиканского руководства. В Семипалатинске местный районный руководитель открыто объявил: «У нас русский район, поэтому на решения казахской конференции не заострять внимание» [14].

К концу первого этапа коренизации представительство казахов на всех уровнях партийно-государственного аппарата было значительно ниже, чем планировалось. На начало 1926 г. среди руководителей различного уровня республиканских организаций казахи составляли 40,2 %, губернских — 22,6 % и уездных — 48,7 %. Среди служащих, имеющих высокий уровень образования и квалификации (инструкторов и инженеров), казахов было значительно меньше: в краевых организациях — 16,4 и 5,4 % соответственно; губернских — 16,2 и 4,4 %. Желанного уровня коренизации удалось достичь лишь в высшем руководящем звене. На 1 января 1926 г. в Президиуме КазЦИК работало 12 казахов, двое русских, один каракалпак и один узбек. В республиканском Совете народных комиссаров на руководящих постах находились 11 казахов и пять представителей неказахского населения. В составе руководителей республиканских хозяйственных органов представительство было иным. Восемь из 16 человек руководителями были русские. На 1 января 1925 г., по данным КазЦИК, наибольшее представительство казахов было в Наркомате просвещения (28 %), социального обеспечения (27,7 %), Наркомате РКИ (20 %) и Наркомате юстиции (17,5 %). Меньше всего были коренизированы Народный комиссариат труда (7 %), внутренних дел (6 %), Казцентрсовнархоз (6 %), Наркомат здравоохранения (4 %), Казвоенкомат (4 %), Уполнаркомвнутриорг (2,5 %), Казстатуправление (1,5 %) и Наркомат финансов (0 %) [15, с. 131].

В середине 1920-х годов в политику коренизации были внесены изменения, заключавшиеся в переходе от процентной коренизации к функциональной. Тем самым новое краевое руководство во главе с Ф. И. Голощекиным пыталось преодолеть обострение конфликтов между казахской и русской частями населения. На бюро Казкрайкома РКП(б) Голощекин говорил о наличии в республиканской партийной организации двух уклонов: «Первый уклон — отсутствие учета деловой стороны. Рассматривают казакизацию, как привилегию, иногда идет казакизация под националистическим уклоном, казакизацией иногда пользуются по групповым соображениям. Уклон второй — сопротивление русской части аппарата,

пренебрежительное отношение к казакам, недоверие, иногда бегство» [16, с. 17].

В соответствии с новыми веяниями были внесены изменения в политику коренизации. Коренизация с весны 1926 г. должна была стать составной частью политики советизации казахского аула. 20 мая 1926 года Президиум КазЦИК осудил процентную коренизацию и ликвидировал Комиссию по коренизации с передачей дел в Наркомат РКИ. Ф. И. Голощекин настаивал на коренизации только государственного и советского аппарата, считая, что подбор кадров в партаппарате является прерогативой союзного ЦК.

Против перехода к функциональной коренизации выступили члены бюро Казкрайкома ВКП(б) С. Садвокасов и Ж. Мунбаев, потребовавшие завершения работы по укомплектованию аппарата казахскими работниками [17]. Смагул Садвокасов заявил своим оппонентам: «Вы, наверное, думаете, что мы (казахи. — С. К.), находимся в Краевом комитете, что мы руководим Крайкомом. Нет, это совершенно не так. Социальное положение Казахстана не лучшее, говоря иными словами, вся власть у русских. Нередко большинство вопросов, касающихся национальной политики, рассматривается и решается без нашего участия» [18, с. 27].

С 27 мая 1926 г. начинается этап функциональной коренизации, заключавшийся в выделении номенклатуры должностей, занимаемых в обязательном порядке либо казаками, либо представителями неказахского населения, свободно владеющими казахским языком. Следуя директивам КазЦИК и Казкрайкома ВКП(б) Наркомат РКИ выделил 42 наименования должностей и зарезервировал 13 тыс. мест, подлежащих коренизации в аппарате. Но и функциональный метод не привел к перелому. К марту 1927 г. в местном аппарате из 11968 намеченных должностей коренизировано было только 2567 (23,2 %), в краевом аппарате из 840 должностей коренизировано 195 (23,7 %). Общий процент коренизации к 1927 г. составлял по краевым учреждениям — 23,1 %, по местному аппарату — 23,2 % [2, с. 328].

В январе 1928 г. завершается второй этап коренизации. 17 января 1928 г. Вторая сессия КазЦИК VI созыва передала полномочия органа по коренизации Наркомата РКИ в ведение организационных отделов исполкомов Советов. Тем самым коренизация была низведена с уровня общегосударственной политики до кадровой деятельности местного аппарата. Вплоть до 1932 г. краевое руководство, занятое оседанием и коллективизацией казахского кочевого хозяйства, не уделяло сколько-нибудь значительного внимания коренизации. Провалилась и функциональная коренизация. На начало 1928 г. коренизация центрального аппарата составляла 23 %. В Уральской губернии из 1222 должностей коренизировано 334 (34 %), в Актобинской из 801 должности коренизировано 180 (22,5 %), в Акмолинской губернии из 1527 занято 519 (33,4 %), в Семипалатинской из 2875 — 34 (13 %), в Джетысуйской из 1632 функций — 367 (22,4 %) и Сыр-Дарьинской из 1717 функций — 310 (18,6 %) [1, с. 177]. Следует признать объективные трудности, возникшие в процессе привлечения казахов в партийно-государственный аппарат и внедрения казахского языка среди русской части ответственных работников. Е. Н. Бурдина отмечает, что основная часть казахских работников слабо владела русским языком. Декретом ВЦИК от 14 апреля 1924 г. русский язык был официальным в «сношениях» центральных органов власти РСФСР и национальных образований в ее составе [15, с. 133]. Рус-

ская часть аппарата практически не владела казахским литературным языком.

Свертывание процентной коренизации и внесение корректив в землеустроительную политику столкнуло Голощекина и его приверженцев, ориентированных на сталинский централизм, с национал-коммунистами. Последние выступали за осторожную социальную и экономическую политику, считая ненужным и опасным разжигание классовой войны в казахском ауле.

Этнополитические процессы в Казахстане в 1930-е годы определялись общими изменениями в экономической, социальной, культурной политике советского стратегического руководства. А. Беннигсен увязывает свертывание коренизации аппарата с ликвидацией влияния национал-коммунистов, полагая, что коренизация «была прекращена якобы по практическим соображениям: быстрая индустриализация требовала армию обученных техников и специалистов, которую мог поставить русский народ, но не могли предоставить местные национальности... Ликвидация национал-коммунистов, как мусульман, так и не мусульман, прошла одновременно во всех частях Советского Союза» [19, р. 90].

С середины 1930-х годов наблюдается патристический поворот во внутреннем курсе, связанный с подготовкой к противостоянию с капиталистическим окружением. Отзыв Ф. И. Голощекина из республики привел к временному восстановлению прежней политической практики первой половины 1920-х годов уступок национальным чувствам. По настоянию нового руководителя краевой партийной организации Л. Мирзояна в январе 1933 г. Пленум Казкрайкома ВКП(б) осудил подавление национальных кадров и вновь обратил внимание на необходимость борьбы с великодержавным шовинизмом. Л. Мирзоян связал появление казахского национализма с реакцией на шовинизм: «Проявления великодержавного шовинизма усиливали и в значительной мере питали казахский национализм» [20, с. 4].

Вновь было пересмотрено отношение краевого руководства к политике коренизации аппарата управления. 16 апреля 1933 г. на специально созданном бюро Казкрайкома ВКП(б) вновь был поставлен вопрос о внедрении казахского языка в официальное делопроизводство. Языковая проблема игнорировалась в годы проведения функциональной и производственной коренизации. По постановлению бюро Казкрайкома ВКП(б) было намечено в течение 1933 г. перевести на казахский язык полностью официальное делопроизводство в КазЦИК, Наркомате просвещения, Наркомате здравоохранения, Наркомземе и аппарате СНК Казахской АССР [21].

В директивном порядке были подвергнуты коренизации КазЦИК, СНК КАССР, Наркомат юстиции и Верховный суд КАССР. В аппарате этих ведомств доля казахских кадров возросла с 29,8 % в 1932 г. до 37,2 % в 1934 г. В 15 республиканских наркоматах численность казахских работников возросла с 227 человек (18,5 %) до 330 человек (25,5 %) [22].

Краевое руководство еще в конце 1920-х годов в соответствии с установками союзных органов управления экономикой обратило внимание на коренизацию производства. В августе 1929 г. СТО СССР обязал ВСНХ СССР вовлечь в районах с преобладанием национальных меньшинств коренное население в индустриальное производство путем подготовки рабочих кадров в школах ФЗУ на курсах повышения квалификации. Между 1 января 1927 г. и 1 января 1936 г. численность казахских рабочих и служащих

выросла с 66,4 тыс. до 246,9 тыс. человек [23, с. 188]. В начале 1936 г. казахские кадры составляли 43 % рабочих, занятых в промышленности, в строительстве — 37,6 %, в транспорте — 31,8 %, в сельском хозяйстве — 55,2 % [24, с. 197].

Коренизация производства, так же как и коренизация аппарата, вызвала серьезные трения между казахским и русским населением края. Т. Мартин отмечает, что после отмены преференций на землеустройство с 1927 г. основные конфликты на межнациональной основе происходили уже не в сельской местности, а в городах из-за рабочих мест в индустриальном секторе экономики [25, с. 209].

Наиболее впечатляющих успехов национальная политика Советского государства достигла в сфере развития культуры и образования народов Казахстана. По мнению М. Б. Олкотт, Советское государство стимулировало формирование советской казахской интеллигенции: «В 1920-е годы советская культурная политика была направлена на уничтожение сохраняющегося буржуазного национализма. К 1926 г. все казахи, принимавшие активное участие в дореволюционных националистических группах, были сняты с руководящих должностей в правительстве, образовании и искусстве. На смену им пришли казахи, более тесно отождествлявшие себя с большевистской партией или Коммунистической партией» [26, р. 196].

Успехи в создании национальных кадров привели в 1936 г. к постепенному сворачиванию коренизации. Считалось, что коренизация достигла своей цели, обеспечив доступность управленческого аппарата для населения и представительство казахов в партийно-государственном аппарате. В 1936 г. казахи составляли 66,6 % КазЦИКа, в руководстве республиканских наркоматов — 64 %, в составе руководящих работников исполкомов — 53 %, председателей областных исполкомов — 55,5 %. Вырос контингент казахских коммунистов. На 1 января 1937 г. казахи составляли 46,8 % партийной организации республики, русские — 32,9 %, украинцы — 9,7 %, узбеки — 1,6 %, уйгуры — 1,1 % [27, с. 78, 81]. По внешней форме коренизация достигла своих целей, и потому 23 октября 1936 г. Президиум КазЦИК ликвидировал Комитет по коренизации при Президиуме КазЦИК.

В целом, сущность политики коренизации несводима к практике этнизации партийно-государственного аппарата. В ходе коренизации предполагалось создание управленческого аппарата, максимально приближенного к населению. Должности могли занимать не только представители «титовых» этнонаций, но и лица «европейских» национальностей, владевшие языком коренного населения. Тем самым цели коренизации заключались не во «вращивании» этнонационализма, а в преодолении отчуждения и завоевании доверия нерусского населения к Советской власти и к русскому народу, достижению социального и культурного прогресса советских народов. В итоге это должно было способствовать обеспечению интеграции народов страны на основе интернационалистского солидаризма.

Библиографический список

1. Агдарбеков, Т. А. Проблемы национально-государственного строительства в Казахстане (1920–1936 гг.) / Т. А. Агдарбеков. — Алма-Ата : Наука, 1990. — 184 с.
2. Кучкин, А. П. Советизация казахского аула (1926–1929 гг.) / А. П. Кучкин. — М. : Изд-во Академии наук СССР, 1962. — 432 с.
3. Сыдыков, Е. Б. Российско-казахстанские отношения на этапе становления тоталитарной системы / Е. Б. Сыдыков. — Алматы : Гылым, 1998. — 272 с.

4. Чистяков, О. И. Коренизация государственного аппарата национальных районов в первые годы Советской власти (по материалам национальных районов Среднего Поволжья) / О. И. Чистяков // Правоведение. — 1965. — № 1. — С. 164–168.
5. Карр, Э. Х. История Советской России. В 2 кн. Кн. 1 / Э. Х. Карр ; пер. с англ. — М. : Прогресс, 1990. — 768 с.
6. Каррер, Д. Евразийская империя. История Российской империи с 1552 года до наших дней / Д. Каррер, Э. Анкосс. — М. : РОССПЭН, 2010. — 431 с.
7. Olcott M. B. The Kazakhs. — Stanford: Calif.: Hoover Institution Press, 1995. — 388 p.
8. Suny R.G., Naimark N.M. The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union. — Stanford: Stanford University Pr., 1993. — 224 p.
9. Morrison A. Metropole, Colony and Imperial Citizenship in the Russian Empire // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 13. №. 2. (2012). — P. 327–364.
10. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. В 15 т. Т. 2. — Изд. 9-е. — М. : Политиздат, 1983. — 446 с.
11. Сборник важнейших решений Казкрайкома ВКП(б), принятых за период V–VI Всеказахских конференций. — Кзыл-Орда : Казгосиздат, 1927. — 135 с.
12. Культурное строительство в Казахстане (1918–1932 гг.). Сб. док. и материалов. — Алма-Ата : Казахстан, 1965. — 566 с.
13. РГАСПИ. Ф.17. Оп. 25. Д. 3. Л. 13–14.
14. РГАСПИ. Ф.17. Оп. 25. Д. 17. Л. 30.
15. Бурдина, Е. Н. Факторы становления языкового законодательства и реализация права пользования родным языком в Советском Казахстане / Е. Н. Бурдина // Этнос, общество, цивилизация : III Кузеевские чтения. — Уфа, 2012. — С. 130–134.
16. Голощекин, Ф. И. Отчет Казакского краевого комитета РКП(б) / Ф. И. Голощекин. — Кзыл-Орда : Казгосиздат, 1926. — 28 с.
17. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 83. Л. 130–133.
18. Кыдыралина, Ж. У. Нация и история / Ж. У. Кыдыралина. — Астана : Ел Орда, 2009. — 304 с.
19. Bennigsen A., Wimbush S.E. Muslim National Communism in the Soviet Union: A Revolutionary Strategy for the Colonial World. — Chicago: The University of Chicago Pr., 1979. — 304 p.
20. О коренизации. Сборник руководящих материалов / Сост. Х. Амрин, Е. И. Князев. — Алма-Ата : Казкрайиздат, 1934. — 56 с.
21. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 76. Л. 94.
22. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 7. Л. 100.
23. История индустриализации Казахской ССР (1926–июнь 1941 гг.) : сб. док. В 2 т. Т. 2. (1933–1941 гг.) / Под ред. С. Б. Баишева. — Алма-Ата : Архивное управление при СМ КазССР, 1967. — 436 с.
24. Нусупбеков, А. Н. Формирование и развитие советского рабочего класса в Казахстане (1917–1940 гг.) / А. Н. Нусупбеков. — Алма-Ата : Наука, 1966. — 244 с.
25. Мартин, Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / Т. Мартин. — М. : РОССПЭН, 2011. — 855 с.
26. Olcott M. B. The Fabrication of a Social Past: The Kazakhs of Central Asia // Political Anthropology Yearbook 1. Ideology and Interest: The Dialectics of Politics. New Brunswick: Transaction Publishers, 1980. P. 193–213.
27. Кийкбаев, Н. Торжество ленинской национальной политики в Казахстане / Н. Кийкбаев. — Алма-Ата : Казгосиздат, 1957. — 156 с.

КАЗИЕВ Саттар Шарниязович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и социально-гуманитарных дисциплин.
Адрес для переписки: sattarkaz@mail.ru 150010

Статья поступила в редакцию 13.03.2015 г.

© С. Ш. Казиев

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ» В РОССИЙСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ (К ИСТОРИИ ВОПРОСА)

Арабская весна вызвала целую волну обсуждений в СМИ. Журналистами по-разному преподносились события, происходящие как в странах Ближнего Востока, так и на севере Африки. Различную оценку получила политика Российской Федерации, КНР и США в отношении стран, переживавших революционные события. В статье проведен анализ как позиций редакторских коллективов по обозначенной проблеме, так и возможности влияния политической оценки арабской весны российскими изданиями на общественное мнение граждан нашей страны.

Ключевые слова: «арабская весна», российские периодические издания, Ближний Восток, Сирия, Ливия, Египет.

Одним из знаковых событий начала второго десятилетия XXI века стало явление, вошедшее в историю как «арабская весна». Переворот в Тунисе, революции в Египте и Ливии, демонстрации в Бахрейне, Йемене, Алжире, гражданская война в Сирии не только стали испытанием для правящих элит и народов, но и взбудоражили весь мир. Волнения распространялись, как вирус, против которого пока не найдено сыворотки. «Арабская весна» вызвала целую волну разноплановых суждений и оценок в научном мире. В российских научных журналах, с нашей точки зрения, арабские революции рассматриваются более объективно и глубоко.

В 2012 году в журнале «Азия и Африка сегодня» была опубликована статья Е. И. Зеленева «Смута, анархия, революция: арабская политическая культура на пути в будущее» с подзаголовком: «Восстание в арабском мире: посевы и всходы» [1]. Автор раскрывает события на севере Африки и Ближнем Востоке в 2011 году. В центре его внимания следующие проблемы: закономерность арабских революций; устаревшие методы государственного управления в арабских странах; внешние факторы, оказавшие влияние на развитие арабских революций; «перезагрузка» системы международных отношений на глобальном уровне и перемены в отдельных регионах. В статье А. Д. Саватеева «"Арабская весна": симбиоз глобализации исламских традиций» анализируется влияние западной и исламской культур как причинно-образующих факторов арабских потрясений [2]. Автор публикации утверждает, что западная политическая и правовая культура в наибольшей степени отвечает идеалам образованной арабской молодежи. «Непримиримость же Запада свидетельствует о его стремлении к новому геополитическому гегемонизму, в рамках которого наиболее твердо отстаивающим свои позиции народам, в том числе арабским, отказано в праве именовать себя «просвещенными», «современными», «цивилизованными». В. А. Мельянец в статье «Арабские страны: кризис модели развития», в качестве главной причины арабских революций, называет социально-экономический кризис в араб-

ских странах [3]. Автор отмечает возросшую экономическую и политическую нестабильность в регионе в 1996 – 2008 гг. В большинстве арабских стран сохранились непрозрачные банковские системы, полностью контролируемые государством. В условиях ограниченной конкуренции арабские банки специализируются в основном на краткосрочных, в том числе торговых, операциях и мало финансируют долгосрочные проекты. Автор приходит к выводу, что в этой обстановке чрезвычайно важны реформы, укрепляющие институты, способствующие росту и диверсификации экономики, активизации частного сектора и повышающие уровень занятости населения. Исследователь С. В. Новиков считает, что модернизация, начатая лидерами арабских стран в 50 – 60 годы XX века, так и не ликвидировала оставшиеся отличия в восприятии научных, культурных, религиозных составляющих в представлениях населения указанных стран. В ближайшие годы, по его мнению, это может привести к реставрации ортодоксального ислама [4]. Проблемы «арабской весны» нашли отражение и в журнале «Мировая экономика и международные отношения». Л. Фитуни в статье «Арабская весна»: трансформация политических парадигм в контексте международных отношений» дает описание всех арабских восстаний, начиная с Туниса и заканчивая все более обостряющейся ситуацией в Сирии [5]. Автор видит причины «арабской весны» в экономическом, демографическом и идейном кризисах. Он отмечает, что арабские государства втягиваются в процесс глобализации и, вследствие этого, претерпевают изменения, которые носят демократический характер. А это встречает сопротивление со стороны власти имущих. Ближайшие перспективы развития событий в арабском мире представлены в статье М. Чешкова «Арабская весна» и судьбы постсоветских государств». «Предполагаемые сценарии будущего развития арабских революций многообразны: возможны и обновленные военные диктатуры, и некоторая демократизация под эгидой умеренного исламизма...» [6]. Автор статьи также отмечает и положительное влияние революций на арабский мир.

По его мнению, теперь возможен переход арабских стран на более высокий уровень развития [7].

Оперативный анализ и информация о развитии ситуации в арабском мире нашли широкое отражение на страницах отечественной периодической печати. В материалах «Российской газеты» («РГ») в самом начале 2011 г. мы находим закономерности революционного взрыва в странах Северной Африки и Ближнего Востока. Михаил Маргелов в статье «Похуже на революцию», подвергнув критике политику президента Туниса, оценивает ситуацию в этой стране как предреволюционную [8]. Оценка социально-экономической и политической ситуации в Египте «РГ» аналогична оценке предреволюционной ситуации в Тунисе. В публикациях газеты в качестве целей оппозиционного движения Египта выделяются следующие: проведение свободных выборов, решение проблем бедности и безработицы [9].

Анализируя ситуацию в Ливии, «РГ» подчеркивает сложное социально-экономическое положение в стране. В частности, отмечается, что Ливия — государство с самыми большими запасами нефти во всем Североафриканском регионе, но миллиарды долларов, получаемые от продажи ливийского «черного золота», почти не доходили до простых ливийцев. Более трети из почти семимиллионного населения страны жило за чертой бедности. Безработица составляет почти 30 процентов. Журналисты «РГ» отмечали особую жестокость по отношению к оппозиционерам и сильное рвение в уничтожении митингующих. На страницах газеты Каддафи даже сравнивают с вожаком пиратской шайки из знаменитого романа Стивенсона «Остров сокровищ», который говорил: «Мертвые не кусаются» [10].

Что касается Сирии, то в отношении политики Башара Асада бывший посол России в Сирии Александр Зотов в интервью «РГ» высказался очень категорично. По его мнению, за время правления Башара Асада выросло только количество телевизионных тарелок, а протесты начались из-за фактора усталости от недостатка свобод, невозможности самореализации в бизнесе или других сферах [11].

Если обобщить вышесказанное, то, по мнению «РГ», революции в рамках «арабской весны» имели под собой серьезное основание. Постепенно отношение газеты к революциям и революционерам меняется. Бедная оппозиция, угнетаемая диктаторами, стала выглядеть на ее страницах жестоким агрессивным ополчением, которое абсолютно не понимает чего хочет, а главное не понимает, что со сменой режима жизнь сразу же не превратится рай. Крах диктатур уже означает, что на свободу вырываются племенные и сепаратистские устремления. А революции в арабских странах, как болезнь, вызывают метастазы.

Мысль о спланированности США революций не находила отклика в статьях «РГ» на начальном этапе «арабской весны». Но после нанесения авиаударов по Ливии «РГ» с явным осуждением пишет о вмешательстве США в жизнь суверенного государства. И уже в это время говорится о том, что Каддафи на самом деле пользуется поддержкой приблизительно половины населения страны, а западные демократии в очередной раз хотят, не прислушиваясь к мнению местного населения, вершить чужие судьбы. Резко критикуется политика Запада в отношении Сирийской революции. Агрессивная политика США в Сирии, нежелание решать проблему мирным путем позволяет «РГ» сравнить происходившие события с военной кампанией американцев в Ираке и Ливии,

а также с иронией говорить о том, что «действия США всегда основаны на голом альтруизме и высоких идеалах» [12].

«РГ» осуждает политику Лиги арабских государств в отношении Сирии.

В связи с тем, что ЛАГ приняла сторону сирийской оппозиции, это может привести к серьезным негативным последствиям для самой организации. Во-первых, члены ЛАГ нарушили базовые принципы, закрепленные в уставе организации. А восьмая статья устава ЛАГ говорит о необходимости уважения действующего государственного устройства во всех странах — членах этой панарабской организации и недопустимости любых действий, направленных на смену режимов в арабских государствах. По мнению автора статьи «Хвост виляет собакой» М. Макарычева, министры, образно говоря, сами начали копать себе яму, создав опасный прецедент для других арабских стран в будущем: ведь такие действия могут положить конец конструктивной роли ЛАГ в регионе [13].

Что касается позиции России, то, как сообщается в «РГ», ее руководство всегда было против применения насильственных мер по отношению к оппозиционному движению, не собиралось давать санкцию на ввод иностранных войск в суверенные государства Северной Африки и Ближнего Востока и предостерегали НАТО от любых односторонних решений.

«Новая газета» имеет свой взгляд на проблемы и вызовы «арабской весны». В редакционной статье газеты от 14 июля 2011 г. утверждается, что волнения в арабском мире были неожиданностью для США и ряда западных стран, причем весьма неприятной, так как это привело к свержению лояльных Западу арабских правителей. Но, встав на сторону оппозиций, западные страны сделали акцент на защите человеческой жизни и свободы.

Относительно дальнейшего развития событий в Сирии «Новая газета» убеждена в том, что без международного вмешательства компромисс между властью и оппозицией там нереален [14]. По мнению А. Шумилина, автора публикации «Россия, ты защищаешь Башара-убийцу», России неуютно быть единственным (не считая Ирана) защитником становящегося все более кровавым сирийского режима. Стремление поддержать сирийские власти — это надежда сохранить хоть часть того, что инвестировано в режим «друга Асада» [15]. А. Минеев объясняет поддержку России Башара Асада тем, что накануне выборов 2012 года Путину важнее было продемонстрировать электорату, что он не поддается давлению Америки [16]. Китай же поддерживает Россию скорее из принципа: «вожди Среднего государства не допускают сомнения в их праве подавлять внутренние брожения». «Новая газета» активно поддерживала арабский проект резолюции по Сирии, который «зарубили Россия и Китай». Подчеркивается, что вето России и Китая — это именно та точка невозврата, упущенный момент мирного урегулирования. Говоря об экстремизме в оппозиционном движении, то, по словам корреспондента «Новой газеты», его породил сам Асад.

Постоянный спор о том, кто применял химоружие в Сирии, — не является сложным вопросом для этой газеты. На страницах издания можно увидеть явные намеки на то, что использование химоружия — это дело рук Асада, причем ссылается издание на телеканал «Аль-Джазира».

Вообще, «Новая газета» очень жестко критикует внешнеполитическую деятельность В. В. Путина,

говоря об ее азиатском векторе, основой которого является восприятие Запада как «коварного противника». Главная причина этого видится газетой в недовольстве В. В. Путина морально-психологической поддержкой Запада, оказываемой антипутинскому движению внутри России. И, как следствие этого, «Новая газета» пришла к выводу, что свои действия на мировой арене российский президент «подгоняет» под внутриполитические потребности, под взгляды и позиции своего электората.

Газета «Завтра» имеет кардинально противоположное мнение на происходящие изменения в арабском мире. Если говорить о революциях в Ливии и Сирии, которые больше всех потрясли Ближний Восток, то, по мнению газеты «Завтра», — это революции «сытых». Серьезных причин для кровопролития у оппозиции не было. Характеризуя ливийскую революцию, газета «Завтра» осуждает жесткие действия ливийцев-оппозиционеров и относится к ним как к предателям по отношению к полковнику Каддафи.

Анализируя предреволюционную ситуацию в Сирии, корреспонденты газеты приходят к выводу: в стране было много сделано для становления национальной экономики, укрепления ее независимости за время правления клана Асадов. Сирийская же оппозиция — это недовольные режимом неудачники и космополиты, обделенные судьбой, лишенные трибун и митингов, коих в любой стране предостаточно.

Говоря о причинах волнений в арабских странах, авторы публикаций газеты «Завтра» придерживаются мнения, что «на спусковой крючок нажал «вашингтонский обком». Это проявилось в пропагандистской подготовке революции через социальные сети, имея в виду помощь США оппозиции в освоении и использовании киберпространства. Издание даже называет происходящие революции «твиттер-революциями», подчеркивая способности Интернета влиять на настроения людей и свергать ненавистные западным странам режимы [17].

Газета «Завтра», анализируя цели США в Ливии, делает акцент на природных ресурсах этой страны. По мнению корреспондентов газеты, США решили начать выжимать как губку своих «друзей», чтобы сохранить рассыпающуюся на глазах «империю доллара».

Политика западных держав в отношении Ливии оценивается газетой как акт военной агрессии против суверенного государства и нарушение международного права, а бомбёжка мирной инфраструктуры и убийство мирных жителей — как военное преступление.

Газета «Завтра» не просто осуждает, а возмущается решением России по Ливии в ООН, называя позицию нашей страны беззубой и предательской. В одной из статей даже говорится о том, что если бы антиливийскую резолюцию не приняли, то через какое-то время мир и порядок в стране были бы восстановлены. Воздержавшись от голосования в ООН по Ливии, Россия потеряла миллиардные контракты, а также возможность стать главным разработчиком ливийской нефти и газа. Корреспондент газеты «Завтра» характеризует такую позицию России в отношении Ливии как поражение духовное [18].

Газета «Завтра» активно призывает руководство нашей страны поддерживать Сирийское правительство и не допускать военного вмешательства в сирийский конфликт, напоминая, что Сирия — «предпоследний бастион сохранения русской государ-

ственности». События в Сирии — это уже генеральная репетиция Вашингтона перед гражданской и межконфессиональной войной в России. В самый разгар сирийской революции газета «Завтра» подчеркивала стойкость этой страны, связанную с личностным фактором президента и поддержкой России.

Анализ материалов трёх вышеназванных периодических изданий подводит к выводу, что «РГ» уделила наибольшее внимание процессам «арабской весны» и раскрывает их довольно подробно. Издание, излагая свою позицию, применяет вполне адекватную аргументацию, с которой стоит считаться.

«Новая газета» — это оппозиционное издание, имеющее оригинальную, но и не совсем объективную оценку арабских революций. Газета выступает за демократию, справедливость, свободу, в общем, за все те ценности, которые США прививает всему миру, пытаясь спасти весь мир от диктаторских режимов. Для «Новой Газеты» США — благородное государство, которое помогает людям обрести свободу совершенно безвозмездно. Позволим себе с этим не согласиться. На наш взгляд, нет ни одной страны в мире, которая бы потратила около 1 млрд долларов на военные операции в другой стране ради демократии и свободы слова другого народа. Теперь уже совершенно ясно, что военное вмешательство США в конфликты на Севере Африки и Ближнем Востоке привело к их разрастанию, гражданским войнам, укреплению влияния радикальных исламских группировок и страшным последствиям в жизни большинства населения. В позиции В. В. Путина и политики России в отношении Сирии и Ливии преобладают не потребности президента, а стремление отстоять интересы страны.

Газета «Завтра», которая возмущена позицией России по Ливии, не учитывает один совершенно очевидный фактор. Во время голосования в ООН по ливийской резолюции российское руководство уже понимало, что дни Каддафи сочтены и не было смысла в тот момент противопоставлять себя всему миру, который, благодаря мощной пропагандистской компании Запада, был настроен однозначно «демократично». Голос России мог оказаться одиноком. Не помешав военной операции в Ливии, Россия сохранила возможность на установление нормальных отношений с возможными новыми лидерами страны. Осудив военную операцию, Россия «сохранила лицо» в глазах стран, не присоединившихся к коалиции (это, в частности, все члены группы БРИКС) и дистанцировалась от всех негативных последствий военных действий. Ситуация в Сирии — это уже, действительно, другое дело, это важный геополитический интерес России. Упорная позиция по защите Каддафи вряд ли была бы продуктивной и могла бы спасти режим. В отличие от сирийского президента, Каддафи не имел поддержки со стороны Ирана и Китая (Пекин поддержал резолюцию №1973), а к моменту голосования в Совбезе у берегов Ливии уже были сконцентрированы силы НАТО. Следует отметить, что на момент голосования 17 марта 2011 г. волнения в провинциальном сирийском городе Дераа только начинались, и никто не предполагал, что «арабская весна» придет в Сирию спустя три месяца после ее начала в Тунисе и будет использована Западом и его ближневосточными союзниками для смены еще одного (после ливийского) неудобного режима.

Думается, что дальнейшее развитие событий в арабских странах, переживших революции, приведет к сближению оценок в периодических изданиях, представляющих сегодня разные позиции.

Библиографический список

1. Зеленев, Е. И. Смута, анархия, революция: арабская политическая культура на пути в будущее / Е. И. Зеленев // Азия и Африка сегодня. — 2012. — № 1. — С. 8–12.
2. Саватеев, А. Д. «Арабская весна»: симбиоз глобализации и исламских традиций / А. Д. Саватеев // Азия и Африка сегодня. — 2012. — № 2. — С. 7–10.
3. Мельянцев, В. А. Арабские страны: кризис модели развития / В. А. Мельянцев // Азия и Африка сегодня. — 2012. — № 5. — С. 17–20.
4. Новиков, С. В. Развитие стран Востока: политическое, экономическое развитие, особенности менталитета (1918–2000) / С. В. Новиков // Курс лекций по истории для непрофильных специальностей. — Омск : Макшеева Е. А., 2013. — С. 144–159.
5. Фитуни, Л. «Арабская весна»: трансформация политических парадигм в контексте международных отношений / Л. Фитуни // МЭ и МО. — 2012. — № 1. — С. 2–9.
6. Чешков, М. «Арабская весна» и судьбы постсоветских государств / М. Чешков // МЭ и МО. — 2012. — № 7. — С. 67–73.
7. Альбадави, И. Освещение проблем арабского мира в научных журналах Российской академии наук в 2012 г. [Электронный ресурс] / И. Альбадави. — Режим доступа : <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tguwww.woa/wa/Main?textid=3809&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 21.10.2014).
8. Маргелов, М. Похоже на революцию [Электронный ресурс] / М. Маргелов // Российская газета. — Режим доступа : <http://www.rg.ru/2011/01/17/tunis-site.html> (дата обращения: 09.11.2013).
9. Воробьев, В. Эмоции залили берега Нила [Электронный ресурс] / В. Воробьев // Российская газета. — Режим доступа : <http://www.rg.ru/2011/01/26/egipet-site.html> (дата обращения: 15.11.2013).
10. Шестаков, Е. Танки против дипломатов [Электронный ресурс] / Е. Шестаков // Российская газета. — Режим доступа : <http://www.rg.ru/2011/03/17/tanksvsdiplomaty-site.html> (дата обращения: 15.11.2013).
11. Фрещенко, В. Асад всегда был примерным мусульманином [Электронный ресурс] / В. Фрещенко // Российская

газета. — Режим доступа : <http://www.rg.ru/2012/08/08/vostok.html> (дата обращения: 20.11.2013).

12. Воропаев, В. «Двое» против Клинтон [Электронный ресурс] / В. Воропаев // Российская газета. — Режим доступа : <http://www.rg.ru/2012/02/07/siria.html> (дата обращения: 01.12.2013).

13. Макарычев, М. Хвост виляет собакой [Электронный ресурс] / М. Макарычев // Российская газета. — Режим доступа : <http://www.rg.ru/2013/03/27/katar-site.html> (дата обращения: 17.11.2013).

14. Арабское лето [Электронный ресурс] // Новая газета. — Режим доступа : <http://www.novayagazeta.ru/politics/65600.html> (дата обращения: 04.11.2013).

15. Шумилин, А. Россия, ты защищаешь Башара-убийцу [Электронный ресурс] / А. Шумилин // Новая газета. — Режим доступа : <http://www.novayagazeta.ru/politics/48021.html> (дата обращения: 04.12.2013).

16. Минеев, А. Мы ее теряем [Электронный ресурс] / А. Минеев // Новая газета. — Режим доступа : <http://www.novayagazeta.ru/politics/45962.html> (дата обращения: 03.12.2013).

17. Тукмаков, Д. Твиттерреволюции [Электронный ресурс] / Д. Тукмаков // Завтра. — Режим доступа : <http://zavtra.ru/content/view/2011-07-2681/> (дата обращения: 08.12.2013).

18. Гафуров, С. Новая колонизация [Электронный ресурс] / С. Гафуров // Завтра. — Режим доступа : <http://zavtra.ru/content/view/2011-04-0581/> (дата обращения: 11.12.2013).

БИЗИН Максим Юрьевич, магистрант гр. ИО-21 исторического факультета.

Адрес для переписки: mr.bizin@inbox.ru

МЕХА Иван Васильевич, кандидат исторических наук, доцент (Россия), декан факультета повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования.

Адрес для переписки: mekha@omgpru.ru

Статья поступила в редакцию 24.10.2014 г.

© М. Ю. Бизин, И. В. Мех

Книжная полка

Торкунов, А. В. История международных отношений : учеб. В 3-х т. Т. 1. От Вестфальского мира до окончания Первой мировой войны / А. В. Торкунов ; под ред. М. М. Наринского. — Изд. 3-е, испр. — М. : Аспект-Пресс, 2015. — 399 с.

Учебник охватывает основные события и проблемы истории международных отношений от становления Вестфальской системы до окончания Первой мировой войны. В книге характеризуются главные тенденции, принципы и обычаи международных отношений в это время, роль и значение международных конгрессов, конференций и договоров. История международных отношений вписана в широкий исторический контекст, показывается влияние на нее различных факторов общественного развития — идеологических, экономических, внутривосточных и др. Исторический подход к изложению эволюции международных отношений дополняется элементами политологического анализа. В основу периодизации истории международных отношений положены становление, эволюция и смена различных систем и подсистем международных отношений — европейских и периферийных. Выясняются их общие черты, свойственные международному порядку вообще, а также локальная и историческая специфика. Учебные тексты проиллюстрированы материалами исторических источников и историографии. Для студентов высших учебных заведений.

ИЗУЧЕНИЕ СТЕПНОГО КРАЯ РОССИЙСКИМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ В XIX ВЕКЕ

Статья посвящена российским исследователям, занимавшимся изучением территории Степного края в XIX веке с целью всесторонней интеграции региона в состав Российской империи. Прослеживается динамика формирования образа Степного края от начала до конца XIX столетия. Автор приходит к выводу, что, исходя из образа региона, создававшегося периодикой, правительством планировались и проводились реформы в интересах полноправного развития территории в составе России.

Ключевые слова: историография, Степной край, российские исследователи, образ региона, Северо-Восточный Казахстан.

Территория современного Казахстана охватывает огромные пространства Центральной Азии. Выгодное геополитическое положение, а именно занимаемая территория между двумя крупнейшими государствами мира Россией и Китаем, оказало огромное влияние на ход как самого исторического процесса, так и на освоение данного пространства обеими империями. Как известно, впервые территория казахской степи была официально включена в состав Российского государства в 1731 г., существовавшее тогда казахское ханство присягнуло императрице Анне Иоанновне. Уже с середины XVIII века имперские власти начали снаряжать разведывательные экспедиции на вновь приобретенные территории. Однако системному изучению Степного края положил начало XIX век.

Благодаря заложенному фундаменту научных изысканий XIX века, в XX веке ученым удалось воссоздать более четкую картину событий хода исторического процесса на просторах Центральной Азии. Необходимо отметить, что из-за идеологических клише Советского государства огромное количество исследовательских работ XIX столетия оказалось невостребованным советскими исследователями. Фундаментальные труды трактовались в советской историографии в концепции «эксплуататорского ига» и «колониального гнета» буржуазно-капиталистической Российской империи [1]. Тем не менее историки советской поры производили исследования достаточно тщательно. Из диссертационных работ советского периода стоит отметить труды М. К. Бижанова и И. В. Ерофеевой, которые сосредоточили внимание на том, что и как писали о казахской степи русские ученые и путешественники в XVIII — первой половине XIX в. [2]. Авторы этих работ, главным образом, занимались выявлением различий между восприятием казахской степи русскими наблюдателями и действительной ситуацией в регионе [3]. При этом особое внимание обращалось на то, как дореволюционные авторы писали о причинах и ходе процесса вхождения Казахстана в состав России, как оценивали уровень экономического и социально-политического развития региона.

Несмотря на определенные достижения советских исследователей, многие аспекты жизни Степного края не рассматривались историками. В частности,

не изучен образ региона, который формировался у населения России в XIX столетии видными учеными того времени на страницах периодики.

Что касается других диссертационных исследований, то следует отметить также работы В. С. Толочко, В. Н. Алексеенко, Е. С. Сыздыковой и М. К. Мукатаевой, однако все они затрагивают лишь один аспект восприятия русскими региона казахской степи, а именно — его исторического развития. Диссертация В. С. Толочко была посвящена исследованию того, как историю Степного края XIX в. освещала русская военная периодическая печать [4]. В. Н. Алексеенко попытался рассмотреть, как об истории Средней Азии и казахской степи писали русские дореволюционные журналы второй половины XIX — начала XX вв. [5]. Е. С. Сыздыкова сконцентрировала внимание на том, как описывали историю Степного края XIX в. офицеры российского Генерального штаба [6]. Л. К. Мукатаева сосредоточилась на личности Г. Е. Катанаева и попыталась исследовать его позицию в отношении истории Степного региона [7]. Большую ценность представляет диссертация О. Е. Сухих, в которой автор попыталась воссоздать образ казаха-кочевника XIX столетия [8]; Т. Ю. Плахотник — о начальном образовании в Степном крае и деятельности администрации края в области просвещения и др. [9].

В наши дни данное исследование истории Степного края является весьма актуальным. Ведь через бывший Степной край Российской империи сегодня проходит граница между двумя независимыми государствами, которые совершенно по-разному рассматривают период своей национальной истории в составе Российской империи. Многие казахстанские историки придерживаются исключительно колониальной версии развития событий [10]. Целью нашего исследования является доказательство обратного, того, что Степной край являлся полноправной частью Российской империи, и доказать это мы намериваемся именно через прослеживание формирования образа Степного края в периодической печати. Как известно, данный регион притягивал в ту эпоху внимание совершенно разной по роду своей деятельности публике. Поэтому богатый фактический материал о регионе содержится именно в периодике. Рассматривая трансформацию образа, формирова-

шегоса под эгидой российских ученых и исследователей в течение XIX века, на наш взгляд, можно будет опровергнуть так называемую гипотезу о колониальном прошлом края.

На сегодняшний день существует ряд гипотез о факторах, способствовавших форсированному освоению Степного края. Уже к середине XIX столетия облик региона претерпел значительные изменения. Были проведены реформы административного управления 1822–1824 гг. и 1864–1866 гг., создавались школы, больницы, открывались ярмарки. Местное население принуждалось к оседлости, а основой культуры, в соответствии с общей имперской политикой, были провозглашены русские православные традиции и русский язык. Активно поощрялось переселение русского крестьянства в данный регион. Многие современные исследователи полагают, что Россия осваивала Степной край семимильными шагами, из-за якобы существовавших планов некоторых европейских государств, намеривавшихся приобрести колонии в Центральной Азии, и имели виды, в том числе, и на современный Северо-Восточный Казахстан. Российской империи, конечно, было совсем не нужно приближение крупных метрополий к своим границам, и имперские власти срабатывали на опережение [11].

Прежде чем проводить все вышеперечисленные мероприятия, имперской администрации необходимо было получить определённые сведения о вновь приобретенной территории. Российский политический деятель, член Государственной думы Российской империи I созыва от Оренбургской губернии Т. И. Седельников в свое время писал: «Принимая киргиз в подданство в 1731 году, русское правительство об их земельных и хозяйственных распорядах, очевидно, имело самое смутное представление» [12]. Здесь на помощь пришли крупнейшие исследователи того времени — историки, географы, этнографы и краеведы.

Труды видных исследователей науки того времени — П. П. Семенова-Тян-Шанского, И. В. Мушкетова, Л. С. Берга, А. И. Пыпина, И. И. Крафта, С. Н. Трегубова, В. Воцинина и др. заложили идейный фундамент для развития Степного генерал-губернаторства в Российской империи. Для комплексного освоения края необходимо было собрать сведения о флоре и фауне, рельефе, водоёмах, полезных ископаемых, но наибольший интерес представляло местное население, которое владело скотом и огромными пастбищами.

В 1856–1857 гг. по Восточному и Юго-Восточному Казахстану путешествовал крупнейший географ П. П. Семенов-Тян-Шанский. По возвращении, находясь в Семипалатинске, он писал секретарю Русского географического общества в Петербург: «Частые пребывания между киргизами дикокаменными и Большой орды дали мне случай ознакомиться с нравами, обычаями и жизнью народов, а в особенности полезными были для меня сведения, сообщаемые лучшими здесь знатоками киргизского быта — поручиком султаном Шоқаном Валихановым и переводчиком Бардашевым» [13]. Труды П. П. Семенова-Тян-Шанского содержат многообразие описаний природных ресурсов и всех сторон социально экономической жизни Степного края. По широте охвата, по количеству фактического материала его труды представляют собой энциклопедическое собрание. Большой фактический материал о внутренних миграциях славянского населения России содержится в XVIII томе книги «Россия...» под общей редакцией

Семенова-Тян-Шанского [14]. В ней внимание привлекают сведения по истории Семипалатинской области, в частности, описание хозяйства и материальной культуры русского и казахского народов. Как известно, правительство стремилось к некоей интеграции русской земледельческой культуры во многовековое кочевничество туземного населения края. Кочевое население не могло устроить российское государство, необходимо было максимально приблизить хозяйство и быт казахского народа (в источниках той эпохи — XVIII — XIX веках население современного Казахстана чаще упоминали под этнонимом «киргизы»). Так, оставивший фундаментальный труд российский исследователь А. И. Левшин озаглавил его как «Описание киргиз-кайсацких орд и степей») к общепринятым в империи.

Оппонентом официальной позиции имперских чиновников стал экономист и статист А. А. Кауфман. Он считал, что у туземцев «эволюция землепользования в определенном направлении идет уже издавна: она началась и шла вперед, когда киргизы совершенно не соприкасались с русскими» [15]. Автор капитальных трудов по экономике Сибири А. А. Кауфман ставил под сомнение пользу крестьянских переселений. Он также писал о восприимчивости к улучшениям инородцев: «Туземец пойдет на всякое новшество, но лишь при тех условиях, если он увидит, что это новшество даст ему лишний рубль дохода» [16, с. 20]. Из этого понятно, что капиталистическое развитие края шло огромными темпами. В регионе появлялись сезонные ярмарки, основным видом торговых отношений на которых являлся обмен.

В работах лидера сибирских областников Г. Н. Потанина содержатся факты и наблюдения о положении дел в станицах и аулах, о взаимоотношениях казачьего и казахского населения обширного региона [17]. Отношения казаков и коренного казахского населения инородцев носили достаточно противоречивый характер, ведь именно казацкие отряды подавляли волнения и недовольство среди местного населения действиями местных властей.

Исследованием административной деятельности имперских чиновников занимались И. И. Крафт, С. Н. Трегубов, В. Воцинин. Ими анализировались традиционные для края социально-правовые институты управления, в частности местные суды [18–20].

Уже в 20-годы XIX в. информационная ситуация вокруг региона казахской степи и ее кочевых обитателей начала понемногу изменяться. Появляется больше литературы о степниках, в том числе вырастает удельный вес специальных произведений, посвященных исключительно казахам-кочевникам. Основная заслуга в этом принадлежала двум центральным журналам, проявлявшим интерес к литературе путешествий — «Вестнику Европы» Н. М. Карамзина — русский литературно-политический ежемесячник умеренно либеральной ориентации, выпускавшийся с 1866 по 1918 год в Санкт-Петербурге, и «Сибирскому вестнику» Г. И. Спасского, издававшийся в Петербурге в 1818–1824 гг., где публиковались материалы преимущественно по истории и археологии Сибири. Во многом благодаря их усилиям, а также публиковавшимся отдельными изданиями воспоминаниям и запискам путешественников, казахская степь стала приобретать в российской общественной мысли более конкретные очертания.

Академия наук в XIX веке продолжила исследование территорий края. В пореформенное время ее научные учреждения выполняли много важных

и обширных исследований, в основном, естественно-научного характера. С начала XIX века возникли научно-организационные подразделения при государственных ведомствах: военно-топографический отдел Главного штаба (1812), ученый комитет горного ведомства (1834), сельскохозяйственный ученый комитет Министерства государственного имущества (1857) и др. Они контролировали подготовку специалистов, организовывали необходимые изыскания по специальным вопросам на территории Степного края.

В первые годы существования Императорского русского географического общества изучением Сибирского региона занимались в основном офицеры, чиновники и священники, что было вполне естественно, так как на восточных окраинах не было университетских исследовательских центров. Задачи управления требовали лучшей информированности о крае, поэтому большую часть исследователей неизвестных территорий и составляли люди, тесно связанные с правительственными структурами. Начиная с 1880-х гг., с открытием Томского университета, к исследованиям региона присоединились ученые и преподаватели этого учебного заведения.

Большое место в изучении Степного края в первой половине XIX века занимали научные общества при университетах. В Московском университете: общество истории и древности российских (1804), общество любителей природы (1805); при Петербургском университете минералогическое общество (1817), физико-медицинское общество (1805), лесное общество (1834) и др. Главным в их работе был специализированный сбор и обобщение научных изысканий в виде статей и книг. Интерес к общественно-экономической жизни региона заключался в сборе сведений по хозяйству и истории.

Во второй половине XIX века, в особенности после открытия Русского географического общества, началось всестороннее изучение степного края. Развитие естествознания дало возможность пересмотреть методику и содержание экспедиционных работ, что привело к комплексному изучению как природных ресурсов, так и всех компонентов в целостную связь человека и природы. Труды Н. А. Северцова, А. Ф. Миддендорфа, И. В. Мушкетова, И. Гейера, М. Майера, М. Красовского и др. обобщали сведения о географии, экономическом и политическом положении края, обнародовали сведения об истории казахского народа [21]. Специализация разнообразного круга исследований постепенно координировалась с деятельностью научных обществ и исследовательских учреждений.

Другой исследователь Е. П. Михаэлис в 70-х годах XIX века произвел естественно-географическое исследование Семипалатинской области. В Зайсанском приставстве Е. П. Михаэлис производил изыскания известняка. Он писал: «Было бы желательно продолжить поиски на известняк в окрестностях Зайсанского поста, назначив открывшему благонадежное месторождение награду и раздав предварительно всем желающим искать банки с соляною кислотою; при таких условиях киргизы, вообще очень внимательные к различению черных пород, найдут все, что нужно» [22]. Именно из-за ещё до конца не изученного пространства Степного края исследователи XIX века прибегали к помощи местного населения. Очень часто казахи выступали и некой рабочей силой в проведении тех или иных научных исследований. На наш взгляд, это весьма оправданно и ни в коем случае не является доказательством «рабской эксплуатации» коренного населения.

Изучение Степного края было опосредованно требованиями экономики и политики России. Такие огромные просторы необходимо было освоить, превратить степь в полноценную часть огромной империи. Следует отметить, что большинство исследователей Степного края руководствовались не только геополитическими и экономическими интересами государства. Они проводили огромную научную работу с целью познания чего-то ещё не изведанного для тогдашней российской научной мысли. Степной край был настоящей житницей для ученых-энтузиастов, которые стремились изучить инородческую культуру и язык, новые месторождения полезных ископаемых, степную флору и фауну. Нужно отметить, что на данном поприще многие добились огромных успехов, не потерявших свою научную значимость и в настоящее время. Изучение Степного края явилось важной вехой в истории развития российской науки.

Следует также отметить, что именно учеными и путешественниками на страницах периодики формировался образ — некое представление о Степном крае как о регионе и только ему свойственном культурном колорите. В начале девятнадцатого столетия образ Степного края представлялся как «дикая степь», таившая в себе огромную опасность для путешественников, исследователей и переселенцев. Однако к концу века образ региона приобрёл положительные черты в российской общественно-политической и научной мысли. Степной край постепенно стал привлекательным объектом для изучения и жизни на его территории российских подданных. «Образ края», создаваемый с помощью фундаментальных научных трудов и периодической печати, оказывал огромное влияние на его социально-экономическое развитие. Ведь именно исходя из представлений о состоянии и дальнейшем развитии региона планировались и проводились реформы, в интересах полноправного развития территории в составе России.

Исходя из динамики процесса формирования образа края на протяжении всего XIX столетия остается неподтвержденным колониальный статус территории. К концу XIX века пресса сформировала образ Степного края как полноправной территории внутри Российской империи. Под его влиянием в Степном крае государством проводилось множество мероприятий, направленных на всестороннюю интеграцию территории. Она превратилась в довольно привлекательное место для торговли, строительства промышленных предприятий, развития транспорта и культуры.

Библиографический список

1. Брежнева, С. Н. Историография проблемы присоединения Туркестанского края к России (вторая половина XIX в. — начало XXI в.) : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.09 / С. Н. Брежнева. — М., 2005. — 282 с.
2. Бижанов, М. К. Казахстан второй четверти XVIII века в трудах и записках русских исследователей : автореф. дис. ... канд. ист. наук / М. К. Бижанов. — Алма-Ата, 1967. — 32 с.
3. Ерофеева, И. В. Казахстан второй половины XVIII — первой половины XIX вв. в трудах и записках русских ученых и путешественников : автореф. дис. ... канд. ист. наук / И. В. Ерофеева. — Алма-Ата, 1979. — 41 с.
4. Толочко, В. С. Проблемы истории Казахстана XIX века в военной периодической печати : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. С. Толочко. — Алма-Ата, 1977. — 39 с.

5. Алексеев, В. Н. Вопросы истории Средней Азии и Казахстана в освещении русских дореволюционных журналов (вторая половина XIX — начало XX веков) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. Н. Алексеев. — Алма-Ата, 1986. — 41 с.
6. Сыздыкова, Е. С. Вопросы истории Казахстана XIX века в трудах офицеров Генерального штаба Российской империи : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. С. Сыздыкова. — Астана, 2000. — 43 с.
7. Мукатаева, Л. К. Г. Е. Катанаев о проблемах истории Казахстана: взаимодействие личности и культуры : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Л. К. Мукатаева. — Алматы, 2002. — 39 с.
8. Сухих, О. Е. Образ казаха-кочевника в русской общественно-политической мысли в конце XVIII — первой половине XIX веков : дис. ... канд. ист. наук / О. Е. Сухих. — Омск, 2007. — 258 с.
9. Плахотник, Т. Ю. Деятельность администрации Степного края в сфере начального образования казахского населения в конце XIX — начале XX веков : дис. ... канд. ист. наук / Т. Ю. Плахотник. — Омск, 2007. — 204 с.
10. Галиев, В. З. Национально-освободительное движение казахского народа в свете новых исследований / В. З. Галиев // Мысль : Республ. обществ.-полит. журн., Алма-Ата. — 1993. — № 11. — С. 77–81.
11. Терентьева, Н. В. Советская историография англорусского соперничества в Средней Азии в первой половине XIX века : дис. ... канд. ист. наук / Н. В. Терентьева. — Нижневартовск, 2003. — 171 с.
12. Седельников, Т. Борьба за землю в киргизской степи / Т. Седельников. — Алма-Ата, 1991. — 125 с.
13. Семенов, П. П. Письмо к исправляющему должность секретаря Русского географического общества / П. П. Семенов // Вестник РГО. — 1857. — Кн. 6. — С. 126.
14. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. — Т. XVIII. — Киргизский край. — СПб., 1913. — 861 с.
15. Кауфман, А. А. Сибирское переселение на исходе XIX века. Историко-статистический очерк. — СПб., 1901. — 100 с.
16. Кауфман, А. А. Свод трудов местных комитетов по Кавказу, области войска Донского, Сибири, Степному краю и Туркестану / А. А. Кауфман. — СПб., 1904. — 855 с.
17. Потанин, Г. Н. Заметки о Сибирском казачьем войске / Г. Н. Потанин // Военный сборник, СПб. — 1861. — № 5. — С. 3–32.
18. Крафт, И. И. Положение об управлении в степных областях / И. И. Крафт. — Оренбург, 1898. — 867 с.
19. Трегубов, А. Л. Переселенческое дело в Семипалатинской и Семиреченской областях / А. Л. Трегубов. — СПб., 1910. — 78 с.
20. Воцинин, В. П. Переселение и землеустройство в Азиатской России / В. П. Воцинин. — Петроград, 1915. — 509 с.
21. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В 5 т. Т. 3. — Алма-Ата, 2001. — 862 с.
22. Михаэлис, Е. Отыскание месторождений минерального топлива в Зайсанском приставстве / Е. Михаэлис // Записки Семипалатинского подотдела РГО. — Семипалатинск, 1914. — Вып. 8. — с. 6.

ИВАНОВ Евгений Павлович, аспирант кафедры отечественной истории, учитель истории и обществознания БОУ г. Омска «СОШ № 48». Адрес для переписки: 644009, г. Омск, ул. Иванишко, 31.

Статья поступила в редакцию 27.02.2014 г.
© Е. П. Иванов

УДК 94(571.1+470)

М. С. НОВИКОВ

Омский государственный педагогический университет

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ РУССКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ В ПАРТИЙНОМ СПЕКТРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ. 1992—1993 гг.

Падение коммунистического режима создало ситуацию многопартийности. Организациям русских националистов предстояло определить отношение к курсу Б. Ельцина и его политическим сторонникам, а также противостоящей им левой оппозиции. Анализ печати и архивных материалов позволяет сделать вывод об организационном бессилии заявлявших себя в качестве лидеров национального движения политиков. Отсутствие четкой стратегической линии привело к шатаниям в тактике и объективной поддержке критикуемого режима.

Ключевые слова: Имперский Союз-Орден, НТС, лево-правая оппозиция, политический спектр Западной Сибири, державная фразеология.

После августовских событий авторитетными и влиятельными стали партии демократического толка. В конце 1991 г. ими инициировались акции в поддержку российского руководства. Эти акции получали поддержку местных отделений Сибирского казачьего войска, НТС, а также членов ИПО «Память».

Необходимо отметить, что члены ряда национально ориентированных организаций не ориентировались в сложившейся после развала СССР ситуации. Так Ново-Николаевское (Новосибирское) отделение Русского имперского Союза-Ордена в листовке «Соотечественники» призывало сограждан «объединить все ...помыслы вокруг главы российской император-

ской династии Государя Великого Князя Владимира Кирилловича», а также созвать всероссийский Земский собор, для обращения к последнему с призывом принять на себя всё бремя власти [1].

Тем не менее указанные организации и их активисты, в той или иной мере поддержали создание СНГ и присоединились к требованиям немедленной ратификации документов Верховным Советом РСФСР [2, с. 93].

Но уже в начале 1992 г. в рядах движения «Демократическая Россия» («ДР») наметился раскол. Например, по мнению её томских сторонников, Президентом России и его политическими соратниками были допущены серьезные ошибки:

— вместо формирования на основе «ДР» мощной политической партии единомышленников, была сделана ставка на консолидацию разношерстных течений российской экономической мысли;

— главами администраций были назначены представители бывшей номенклатуры, не заинтересованные в радикальных экономических реформах;

— в ноябре – декабре 1991 г. не были проведены выборы в законодательные органы всех уровней, в итоге они остались прокоммунистическими;

— не решили вопрос о власти, необходимой для проведения реформ [3].

Авторы документа считали необходимым: создание при Координационном совете Томского отделения движения «ДР» попечительского совета из предпринимателей, оказывающих движению идейную и материальную поддержку; активизировать работу «ДР» в районах; собрать под знаменем «ДР» 15–20 тысяч активистов; установить контакт с «ДР» в Новосибирске, Красноярске, Кемерово, Омске, Барнауле; начать критику коммунистических групп и партий национальной направленности, особо поясняя позицию директорского корпуса ВПК и представителей партии Травкина, а также лидеров Республиканской партии, призывающих не участвовать в референдуме по введению частной собственности на землю [4].

Так, в начале 1992 г. наметились две тенденции в политической жизни региона. Первая — «ДР», выполнив провозглашенные ее лидерами в 1990 г. цели, начала медленно сходиться с политической сцены, претерпевая различного рода изменения. Вторая — проводимые правительством России и президентом Б. Н. Ельциным реформы объективно подталкивали левую и правую составляющие политического спектра к совместной деятельности.

Между тем в регионах шло партийное строительство. Во всех областных центрах Сибири если не действовали, то имели своих функционеров НПСР, РПРФ, СДПР, НТС. В Иркутске и Красноярске действовали кадеты. Также в Иркутске, Новосибирске, Томске помимо указанных партий работали РХДР.

Численность организаций определить сложно. По различным данным, в ноябре 1991 г. в новосибирских организациях состояло соответственно: в СДПР — 30 человек; РПРФ — 100 человек; ДПР — 40 человек. На январь 1992 г., характеризую численность партийных организаций, можно привести следующие цифры: ДПР — 400–450 человек; Крестьянская партия — 30 человек; НПСР (Руцкой) — 80 человек; Народная партия (Гдян и Иванов) — 30 человек. Всего за 1992 г. отдел юстиции зарегистрировал в Новосибирской области 70 общественных организаций и 15 религиозных конфессий [5, с. 62, 59].

В Омске организация РПРФ в 1992 г. насчитывала 200 человек; СДПР — около 30 человек; НПСР (Руцкого) — 10–15 человек.

Среди партий, движений и блоков, действующих или заявляющих о своей деятельности в исследуемый период, аналитики указывают следующие:

— Народная партия, в качестве лидеров которой, обозначились известные следователи по узбекскому делу Гдян и Иванов с экономистом Т. Корягиной и примыкающей к ним группой Б. Кагарлицкого;

— «Правоецентристский блок», представляющий коалицию в этот период ещё внутри «ДР». В коалицию, по мнению аналитиков, входили ДПР, РХДР, КДП, Партия народной свободы (М. Астафьев). Блок выступал за сохранение государства, очищенного от коммунистического содержания, и противодействие не только коммунистам, но и радикалам, осуществившим «развал» Союза и стремящимся к «расчленению» России. На первый взгляд, «блок» стоял на право-патриотических позициях и его развитие в регионах вело к формированию политической организации русских националистов;

— Социал-демократический блок, имеющий 54 народных депутата ВС РСФСР и насчитывающий 5 тысяч членов СДПР и 10000 членов РПРФ;

— «Партия свободного труда» объявляющая себя «партией собственников средств производства и собственником рабочей силы»;

— «Крестьянская партия России» (Ю. Черниченко), рассчитывающая на рост рядов за счет вступления представителей различных социальных групп, высвобождающихся в условиях экономической дифференциации [6].

Однако анализ ситуации 1992–1993 гг., складывающейся в партийном строительстве в Западной Сибири, дает основание считать указанный период временем кризиса не только «ДР», но и всех демократических организаций.

Так, упоминающаяся в СМИ Народная партия, «Партия свободного труда», «Крестьянская партия России» во многом существовали только на бумаге.

Что касается социал-демократического блока, то он как в Западной Сибири, так и в стране в 1990–1991 гг. существовал скорее в воображении аналитиков и публицистов. Даже годом позднее партии означенного «блока» СДПР, РПРФ переживали кризис и сохраняли определенные контакты с «ДР», оставаясь незначительными и по численности, и по влиянию. Омские социал-демократы устойчиво насчитывали 10–15 членов. Наиболее крупная организация РПРФ теряла свою численность: с 200 человек в 1991 г. до 50 в 1992 г. [7].

На состоявшемся 21 февраля 1992 г. организационном собрании омской организации НПСР было заявлено о поддержке проводимых правительством реформ и принято решение выступить с инициативой об установлении моратория на забастовки сроком на один год. Тогда в омской организации НПСР, руководимой М. В. Каганером, состояло 13 человек [8, с. 76].

Созданная на базе Демократической партии коммунистов России с А. Руцким в главе, партия и ее организации на местах пытались использовать социал-демократическую и державную фразеологию. В Новосибирске в январе 1992 г. была проведена акция под лозунгом «Требуем прекратить ограбление русского народа!». В ходе акции проявили себя делегации ДПР, НПСР, СДПР, РПРФ, Русской партии. Примечательно, что НПСР, являющаяся в Новосибирске наиболее крупной организацией, заявила о своей «социалистической ориентации». В апреле 1992 г. в новосибирской НПСР начался раскол. Часть членов Новосибирского отделения НПСР образовала

«Демократическую фракцию поддержки Б. Ельцина», ориентированную на деятельность правительства. Также не удалось сохранить целостность своих рядов и ДДР (численность 120 человек). Сторонники Г. Попова создали Новосибирский центр ДДР и «Союз интеллектуалов-обществоведов» во главе с А. Плотиновым, А. Осиповым и президентом фирмы «Уникон» И. Кимом. Получила новосибирская инициатива поддержку из Москвы. Новосибирцы начали пропаганду тезиса о необходимости сильной исполнительной власти. Часть членов ДДР в июле 1992 г. перешла в «Гражданский союз» [5, с. 64–65].

В Томске «ДР» в основном состояла из РПРФ. По её мнению, к апрелю 1993 г. должна была пройти подготовка к референдуму по Конституции страны [9].

Анализ деятельности организаций так называемого «социалистического блока» позволяет делать вывод о заимствовании социалистической и державной фразеологии в целях расширения политической поддержки.

Политики, заявившие себя как «Правозентристский блок», в западносибирских городах были в основном представлены ДПР. Организации ДПР в 1992 г. работали в Новосибирске, Томске, Кузбассе, на Алтае. Однако численность их в 1992 — начале 1993 гг. была крайне незначительна в Томске и Тюмени, 100 человек — в Кемерово, порядка 200 человек — на Алтае, 30 членов и 100 сторонников — в Новосибирске. В Омске ДПР не действовала [10, с. 81].

Нельзя не отметить и трансформацию, которую переживала ДПР в указанный период. Так, лидер Новосибирской организации ДПР В.В. Широков в интервью «Сибирской газете» обозначил ДПР как организацию, не исповедующую антикоммунизм, но считающую, что съезд народных депутатов РСФСР себя изжил. По его мнению, разгонять депутатов было бы антиконституционно, но они должны самораспуститься, предоставив народу возможность избрать парламент. Лидер организации заявил, что следом за парламентскими выборами должны пройти выборы в местные представительные органы. Поясняя, он подчеркнул: «Ни в коем случае не наоборот! Иначе к власти придут люди, которые скажут: российская верховная власть себя изжила, а мы здесь лучше, чем в Москве, знаем, как жить. Верх возьмут националисты и сепаратисты. Россия развалится» [11].

В целом политический спектр Западной Сибири в 1992–1993 гг. характеризовался пестротой партий и движений. Так, в Омске на начало 1993 г. действовали следующие политические объединения, поддерживающие администрацию Омской области и главу администрации Л. К. Полежаева. Народная партия «Свободная Россия» (НПСР) — руководитель М. Каганер; РПРФ — руководитель Г. Михайлов; СДПР — руководитель А. Бабенко; движение «Демократическая Россия» — руководитель Б. Тюльков; движение «За демократию и реформы» (ДДР) — руководитель А. Бутаков; Гражданское согласие — руководитель В. Соболев, В. Дрягин; Общественный комитет российских реформ — руководитель Б. Сушников; Омский областной клуб избирателей — руководитель Ю. Ермаков.

Среди движений, не поддерживающих администрацию Л. Полежаева, были левые: РКРП (Российская коммунистическая рабочая партия) и Социалистическая партия трудящихся, а также движение «Левая народная инициатива», «Трудовой Омск», Конфедерация свободных профсоюзов России. Из национально ориентированных: РОС (Российский

общенародный союз), Омский монархический центр, военно-исторический клуб «Белая гвардия» [8, с. 70].

Из неприятия деятельности новой российской власти в центре и на местах вырисовывались контуры лево-правой оппозиции. Официальная попытка реализации данной идеи — создание ФНС (Фронта Народного Спасения). 24 октября 1992 г. в Москве, в парламентском центре Верховного Совета России, состоялся конгресс национального спасения левых и правых общественно-политических организаций, стоящих в оппозиции правящему режиму. Всего 1428 делегатов от политических партий, движений и организаций из 103 городов России, в том числе ближнего зарубежья, и 675 человек, приглашенных оргкомитетом. Обсуждался один вопрос — о создании ФНС.

Сопредседателями Политсовета ФНС стали: М. Г. Астафьев, С. Н. Бабурин, Г. А. Зюганов, В. А. Иванов, В. Б. Исаков, И. В. Константинов, А. М. Макашов, Н. А. Павлов, Г. В. Саенко. Председателем исполкома политсовета стал И. В. Константинов (народный депутат России, председатель Всероссийского Трудового Сопределения, председатель Российского Народного Собрания) [12].

К объединённой оппозиции примкнул в марте 1992 г. Союз казаков (Мартынов), но какой-либо значительной роли в ФНС он не сыграл в связи с зависимостью от областных администраций [13, с. 17].

Среди программных положений и планов ФНС выделялись:

- восстановление механизма правительственных заказов для предприятий;
- пересмотр политики либерализации цен и ликвидации диспаритета между ценами на сельхозпродукцию и промышленную продукцию;
- изменение финансовой политики в части недопущения искусственного ограничения движения денежной массы;
- осуществление поворота к инвестиционной политике;
- обнародовать предложения по составу правительства;
- подготовить предложения ФНС к съезду товаропроизводителей;
- создать аналитико-прогностический центр;
- 7 декабря, в день Беловежского сговора, выступить от имени ФНС о восстановлении всех связей Украины, Белоруссии, России, Казахстана.

Журналист Игорь Аристов в эти дни писал: «предыстория смывки политиков «белого» и «красного» толка произошла после избития московским ОМОНОм мирной демонстрации 23 февраля 1992 г. Протест в «Советской России» кроме коммунистов подписали В. Аксютин, М. Астафьев, И. Константинов».

Дальнейшая характеристика участников организации выглядела следующим образом. Русское Народное Собрание на февраль 1992 г. включало в себя РХДД — Российское Христианско-Демократическое движение (Аксютин, Константинов), Конституционно-демократическую партию (Астафьев), Национально-республиканскую партию (Лысенко), Русскую партию национального возрождения (Иванов), «белое» и свободное от коммунизма казачество. Влиятельность лидеров этих движений имела место в политических сферах, однако «уличного веса» этим организациям явно не доставало.

Российский национальный Собор, I съезд которого прошел в июне 1992 г. при участии Г. Зюганова, А. Стерлигова, А. Макашова и писателей В. Белова,

В. Распутина, а также немногочисленных, но радикальных организаций типа РНЕ, казачества и других, имел определенный политический вес в городах. Влияние данного объединения было во многом раздуто СМИ. Достаточно указать, что на явно антиправительственных позициях в указанный период из правых националистов находился только РОС, но его лидер — депутат ВС РСФСР С. Бабурин играл на лево-патриотическом электоральном поле [14].

В ходе конгресса Г. Зюганов и А. Проханов, будучи своими для «красных» и высказывая полную лояльность к «белым», служили своеобразным буфером, «успокаивая первых» и «подбадривая» вторых. «Белые» были привлечены возможностью хотя бы наполовину «возглавить» растущее в стране движение социального протеста. Тем не менее, несмотря на старания лидеров, во «фронт» не вошла часть как «красных», так и «белых» организаций. Так, РХДД (Русское Христианско-Демократическое движение), чья агитационная деятельность была замечена в Томске в конце 1991 г., решило хранить чистоту белого цвета. Из левых РКРП встретило «фронт» сдержанно, ВКП (б) была в замешательстве. «Красные» в ФНС, с точки зрения аналитиков, — это парламентарии, директора, газетчики и «патриоты в чистом виде». Отсутствовали: от РНС (Русского национального собора) А. Стерлягов и от РНЕ (Русское национальное единство) А. Баркашов. Охрану конгресса осуществлял «Русский легион» НРПР (Народно-республиканской партии России). По определению И. Аристова «Конгресс был деловит, скоротечен, внеидеологичен, безрелигиозен и политически конструктивен. Два флага: красный и черно-желто-белый. Минин и Пожарский. Хлопали друг друга. Пели «Вставай страна огромная...» [15].

Развитие идей лево-правой оппозиции наиболее последовательно пропагандировалось в Новосибирске. При этом правая часть новосибирских членов ФНС активно критиковала «Мемориал», «трансформировавшийся в Международную организацию, близкую по своему «правозащитному» и «прогрессивному» к традиционной радикальной партии. Тогда как ФНС объединил конструктивные силы в надежде на «социальный мир в будущем» [16, 17].

В Омске в 1992 — начале 1993 г. левые вошли в ФНС, составив его костяк. Данное положение, с одной стороны, сплачивало оппозицию, с другой — порождало казусы вроде выступления казаков Кубани на сцене, украшенной кумачом, с песней о гибели станицы Вешенской от шрапнели палачей-большевиков [18]. Члены Компартии работали в рядах РОСа до создания ФНС. На учредительном собрании РОС в Омске присутствовало 286 человек. В Координационный совет из 10 человек вошли И. Петров, С. Завязочников, В. Симонов, В. Топонаров, Т. Саблина и коммунисты А. Кравец, М. Машкарин. Сотрудничество компартии и РОСа продолжалось до середины 1993 г., после чего в организации, оставленной ушедшими в КПРФ коммунистами, насчитывалось 20 — 30 членов, сориентированных на монархистов [19, с. 25].

Ко второй половине 1993 г. лево-правая оппозиция не могла развернуть работу в связи с отсутствием организационных структур правопатриотического толка.

Помимо названных партий и организаций в Западной Сибири действовали группы НТС. С 1991 г. группы были объединены в Сибирское региональное отделение НТС. Организации НТС действовали в 1992—1993 гг. в Барнауле, Кемерово, Новокуз-

нецке, Омске, Новосибирске, Красноярске, Владивостоке, Иркутске. Численность организаций была незначительна, от 5 до 15 человек. Наибольшее влияние в политическом спектре имела барнаульская организация. Всего в России к 1993 г. действовало около 400 членов НТС. Сибирские организации НТС в 1992 г. переживали раскол по отношению к курсу Б. Ельцина [20, с. 63].

В завершение можно констатировать, что в Западной Сибири развитие партий в 1992—1993 гг. протекало неравномерно. Партии, входящие в блок «Демократическая Россия», так и не смогли достичь единства. «ДР» быстро теряла политический вес. РПРФ, ДПР, СДПР не смогли создать организационных структур.

Организации, чьи лидеры заявляли о национал-патриотической ориентации — «Правоецентристский блок»: РХДР, НПСР, КДП на местах либо не сумели развернуть работу (РХДР, КДП), либо оказались под влиянием региональных администраций (НПСР).

Указанная выше политическая тенденция характеризует казачьи организации, региональные лидеры которых при умеренной критике действующего президента всецело поддерживали администрации субъектов.

Не сложилась в регионе и так называемая лево-правая оппозиция ФНС, причина — отсутствие организаций правого спектра на местах [21].

Для политиков левой ориентации организации РОСа в Новосибирске и Омске в 1992 — первой половине 1993 г. стали местом для легальной работы.

В целом, к осени 1993 г. структуры национально-патриотических партий и организаций сформированы не были. Некоторое исключение на этом фоне представляли: РОС и казачьи организации.

Библиографический список

1. ГАНО (Государственный архив Новосибирской области). П. 11975. Оп. 1. Д. 12. Л. 13.
2. Новиков, С. В. Антикommунистическая оппозиция (1988—1991 гг.) / С. В. Новиков. — Омск, 1994. — 115 с.
3. ЦДНИ ТО (Центр документации новейшей истории Томской области). Ф. 5642. Оп. 1. Д. 16. Л. 37.
4. ЦДНИ ТО. Ф. 5642. Оп. 1. Д. 16. Л. 40.
5. Демидов, В. Партии в Сибири: состояние и тенденции развития / В. Демидов // Сибирь: политика, экономика, управление. — 1992. — № 13. — С. 55—68.
6. Сибирская газета. — 1992. — 13—19 января, 20—26 января.
7. Омский вестник. — 1994. — 9 февраля.
8. Новиков, С. В. Общественно-политические организации Омского Прииртышья 1988—1995 гг. / С. В. Новиков, С. А. Мордвинцева. — Омск : ОмГТУ, 1999. — 112 с.
9. ЦДНИ ТО. Ф. 5642. Оп. 1. Д. 7. Л. 3—6.
10. Кузмин, В. Н. От правозащитного движения к многопартийности в России (1965—1996 гг.): моногр. / В. Н. Кузмин. — Кемерово, 1997. — 109 с.
11. Сибирская газета. — 1992. — № 29 (июль).
12. Северо-Восток. — 1992. — № 11.
13. Новиков, М. С. Казачьи движения: политическое лицо и взаимоотношение с органами власти (Конец 1980—2000 гг.) / М. С. Новиков // Сб. материалов к межвуз. науч. конф. аспирантов и студентов при гуманитарном факультете ОмГАУ. — Омск : ИП Макшеевой Е. А, 2013. — С. 16—21.
14. Северо-Восток. — 1992. — № 11.
15. ЦДНИ ТО. Ф. 5825. Оп. 1. Д. 32. Л. 1.
16. Советская Сибирь. — 1993. — 14 января.
17. Вечерний Новосибирск. — 1993. — 5 марта.
18. Коммерческие вести. — 1996. — 7 февраля.

19. Новиков, С. В. Политические партии и движения Омска : справ. / С. В. Новиков, А. А. Макаров. — Омск : Знание, 1995. — 29 с.

20. Лифанов, А. В. Путеводитель по партиям современной России / А. В. Лифанов, А. Ю. Малышев. — Новосибирск, 1995. — 116 с.

21. Новиков, В. С. Политический кризис 1993 года в Сибири: от Конституционного совещания к Указу «О поэтапной конституционной реформе» / В. С. Новиков // Омский научный

вестник. Сер. Общество. История. Современность. — 2008. — № 3 (67). — С. 10–13.

НОВИКОВ Михаил Сергеевич, аспирант кафедры отечественной истории.

Адрес для переписки: bonid89@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 14.11.2014 г.

© М. С. Новиков

УДК 94 (571.13)—053.2:070

К. К. НУРКИНА

Омский государственный
технический университет

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ОМСКОГО РЕБЕНКА В ОТРАЖЕНИИ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ (1960—1970 гг.)

В статье освещается повседневная жизнь ребенка на основании материалов центральной и местной периодической печати. Осуществлена попытка представить не только идеологический аспект, но и выявить реальную картину повседневных поведенческих практик детей города Омска. Рассмотрено регламентируемое и личное пространство детей.

Ключевые слова: местная периодическая печать, центральная периодическая печать, детство, советское детство, повседневность.

В современной исторической науке история повседневности и история детства выступают как самостоятельные направления. Периодическая печать — важнейший источник сведений о повседневной жизни детей. Она является одним из средств воздействия на сознание человека и, кроме того, отражает социальную реальность, зачастую читаемую «между строк».

Цель данной работы — исследование отражения прессой образцов и идеалов повседневного поведения и образа жизни детей города Омска в период мирного послевоенного строительства (на материалах журнала «Пионер» и омской газеты «Молодой Сибиряк»). Сопоставление периодических изданий позволяет выявить особенности в отражении повседневной жизни советских детей в центральной и региональной печати. В силу специфики источника период детства ограничивается пионерским возрастом (9—15 лет).

В СССР детской журналистике уделялось большое внимание как средству осуществления мечты о создании «нового человека» [1]. Будущее нужно было построить, и советский ребенок выступал в роли своеобразного строительного материала. В журнале «Пионер» постоянно утверждалась идея: «...Вот что нужно непременно запомнить всем ребятам: коммунистические черты характера не складываются в человеке сами собой, их нужно воспитывать!» [2, с. 6]. В «Пионере» преобладал агитационный тип дискурса, утверждалось, что ребенок коммунистического воспитания отличался особой сознательностью и был под защитой государства. Родина и служение ей должны были являться первоочередным смыслом жизни всего населения страны,

в том числе и детей. Агитационно-пропагандистские задачи пионерской и комсомольской организаций определяли характер и структуру центрального детского журнала [3, с. 32]. На его страницах Советский Союз предстал как «венец человеческого творения», где ребенок был частью эволюционной лестницы: октябренок — пионер — комсомолец (и, как итог, — коммунист) [4, с. 113]. Этим пионерским ступеням соответствовал девиз «Знай — умей — сделай» [5, с. 53].

Советский ребенок должен был быть полезен стране всегда. Прежде всего он должен был быть прилежным учеником. Учение признавалось главным трудом, «таким же почетным и ответственным, как труд взрослых» [6, с. 4]. В печати подчеркивалась общественная значимость учебной деятельности детей, поскольку за ними — будущее, они — будущие строители коммунизма: «Ясна одна простая истина: ты учишься не для того, чтобы с чистой совестью развлекаться на каникулах; не для пятярок. Ты учишься для своей страны. Ты обязательно станешь взрослым, и должен уметь работать для своей страны» [6, с. 1]. Ответственным учеником был не только за себя, но и за других ребят, должен был помочь отстающим, бороться с неграмотностью как среди сверстников, так и среди старшего поколения: «А вот пионерка учит бабушку и дедушку правилам письма» [7, с. 12].

Куда реже (единичный случай, и возникает он в местной печати) предстает реальный, а не художественный, вымышленный, образ ученика-двоечника, который не считает оценку показателем качественного образования: «Да и все равно на второй год теперь не оставляют, выставляют в конце года

тройки — и будь здоров... Вот мой брат школу не ахти как закончил, сейчас на заводе работает — и незачем ему отличный аттестат» [8, с. 2]. Такой пример представлялся скорее как исключительный и на который необходимо было оказать влияние коллективу: «...Давайте сообща на страницах газеты поговорим с вашим ровесником, который, на наш взгляд, упустил из виду что-то очень важное...» [8, с. 2].

Но труд ребенка не сводился к получению знаний в школе. Со школьной скамьи дети готовились войти во взрослую жизнь, включившись в производственный процесс. В 60–70-е годы существовала практика объединения обучения труду в школе с производственным трудом на омских предприятиях. Картина повседневной жизни на страницах омской газеты «Молодой сибиряк»: «Алеша Санников и Райза Иссамутдинова учатся еще только в первом классе, но с первых же уроков в школе № 57 рядом с учебной шагает труд и совсем скоро, как восьмиклассникам, им будет подвластен сложный станок» [9, с. 2].

В соответствии с установленными государством образцами жизнедеятельности, идеалами для детей представлялись не только герои революции и Великой Отечественной войны, но и комсомольцы и Герои Социалистического Труда — «рядовые» труженики, такие как Ярослав Чиж, свиляр колхоза им. Шевченко в Прикарпатье, разработавший новые способы выращивания свиней; Татьяна Перешивко, свиарка совхоза «Победитель», которая сдала 2 мтыс. ц мяса за прошлый год; Турсунай Ахунова, которая «не только сама овладела хлопкоуборочным комбайном, еще и других обучила» [10, с. 14]. На успехи передовиков призывали равняться и непременно — знать героев в лицо: «Каждый из вас знает этих троих людей, которых с такой дружеской сердечностью приветствует Н. С. Хрущев».

Советской периодикой представление о труде формировалось как об обязательном элементе времяпрепровождения ребенка. В этой связи печать акцентировала внимание читателей на активной жизненной позиции детей в обществе, своими публикациями формируя ее. Журнал «Пионер» писал: «Впрочем, ты это и сам знаешь. Наверное, и твоя доля есть в работе на колхозных полях, в сборе металлолома» [6, с. 3]. «Ты не будешь ждать, когда директор школы призовет тебя превращать пустырь в стадион или сад. Ты сам возьмешь в руку лопату и позовешь товарищей» [11, с. 21].

Сознательная деятельность во благо Родины не должна была ограничиваться исключительно учебным временем. Общественно важный труд претендовал и на личное время и пространство ребенка. Приведем один из типичных примеров со страниц «Молодого сибиряка»: «Валера Чебатуров из 8 «Б» даже летом помнил о сборе лома. И потому, когда в соседнем доме проходил ремонт, он складывал ненужные железные детали в сарай. И вот сейчас Валера ждет машину, чтобы вывезти свыше двух тонн железа» [12, с. 2].

Дети были включены в трудовую деятельность своей страны. Центральная печать несла в детскую среду установки «семилетки», они не только боролись за звание «спутника семилетки», но имели и собственные установки (например, «пионерская двухлетка») [13, с. 3]. Особенно кампании проводились среди детей накануне общезначимых дат. Так, ко Дню Советской Армии, юбилею пионерской организации или присвоению ей имени В. И. Ленина проводились пионерские сборы [14, с. 3; 15, с. 4; 16,

с. 2; 17, с. 3], где отряды брали обязательства, а после рапортовали о проделанной работе. Таким образом, дети проходили социализацию, привыкая к идеологически ангажированным государственным праздникам. Эту политику проводила как центральная, так и местная печать. В Омске городской штаб пионерской организации «Поиск» принимал рапорты о результатах проводившихся компаний. Данные публиковались на страницах «Молодого сибиряка»: «Пионерами Омска собрано 508 тонн макулатуры, 467 тонн металлолома — это 8 километров пути Байкало-Амурской магистрали, созданы сотни звеньев книгонош, распространителей книг о Ленине и его соратниках, работают более 950 тимуровских отрядов!» [18, с. 1].

Дети должны были подтверждать свое звание пионера конкретными делами. Местная печать регулярно приводила множество социально значимых, позитивных примеров из повседневной жизни омских детей: «Хорошо потрудились пионеры школы № 30 Центрального района на строительстве трамвайных путей, 116-й — на мебельной фабрике. 350 рублей заработали на полях СибНИИСХоза ребята 60-й школы. Внесло свою лепту в сооружение кинотеатра «Сатурн» красногалстучное племя Амурского поселка» [19, с. 4].

В деятельности учащихся сбор металлолома приобрел особо важное значение. Как правило, журнал «Пионер» писал о достижениях Всесоюзной пионерской организации: «В прошедшем году хорошо потрудились ты, твой отряд, ваша дружина и вся двадцатимиллионная пионерия... Ребята собрали металлический лом на 283 поезда для магистрали века — БАМа» [20, с. 1]. В «Молодом сибиряке», в свою очередь, приводились примеры, о роли местных ребят. Эти публикации побуждали читателей равняться на лучших сверстников живших рядом: «Из Металлолома, собранного учениками школы № 88, можно будет построить десятки нужных народному хозяйству машин!» [12, с. 2]. Посредством включенности детей в хозяйственную жизнь страны подчеркивалась значимость их трудовой деятельности, и дети готовились к взрослому труду: «Вам, ребята, придется работать в годы следующей семилетки, семилетки еще более высокой техники. Готовьтесь к этому сейчас» [21, с. 26].

Включенность детей в хозяйственную деятельность и соответствующая государственная пропаганда приносили результаты. Дети хотели трудиться и мечтали о нужных профессиях. Самыми востребованными профессиями, предпочитаемыми, по результатам опроса 33-х учеников школы № 31 г. Омска, оказались профессии инженера, врача, строителя [22, с. 2]. С весны 1961 года у мальчишек появляется новая мечта — стать космонавтом.

Пионерская организация должна была максимально расширить границы регламентируемого пространства ребенка, заняв его и во внеучебное время. Во внешкольной жизни, в рамках детских клубов, дворцов пионеров, работали многочисленные кружки и секции. Так, в детском клубе имени Гайдара города Омска работали музыкальный, танцевальный, теннисный, шахматный, радиокружок, кукольный кружок, драмкружок и школа юных летчиков, выпускалась своя стенгазета [23, с. 4]. В тесной связи находился рост кружков космонавтики, авиационных и судомоделистов, радиокружков, фотокружков с общим процессом общественного развития, внедрением в жизнь результатов научно-технического прогресса.

Значимое место в воспитании советского ребенка занимала структурированная подшефная деятельность. Так, пионеры непременно должны были помогать октябрятам, а пионерам, в свою очередь, помогали комсомольцы. Так, *«ребята школы № 79 на своем первом совете дружины ... установили единый режим дня на микроучастке, объявили соревнование «Дом без двоек». Здесь пионер отвечает за учебу октябрёнка, комсомолец — за учебу пионера. Сейчас ребята подводят итоги и чувствуют — результаты есть!»* [24, с. 1]

С конца 1960 — 1970-х годов публикации в газете «Молодой сибиряк» позволяют проследить тенденцию, что «комитетчики играют в активность» [25, с. 2], на самом деле не проводя ни одного интересующего детей мероприятия, «охладели ребята к пионерской работе» [26, с. 2], первоочередная причина чего видится в недостаточном участии «старших товарищей», некоторые говорят об отсутствии инициативы со стороны членов комитета, поскольку все вопросы решаются завучем и директором [27, с. 3]. Тема комсомольской активности вызвала в Омске всеобщий интерес и отклик со стороны юных читателей, послужила выходу в свет рубрики «Комсомольский четверг», первый выпуск которой был посвящен вышеуказанным проблемам, что говорит об актуальности и остроте поднимаемых вопросов. Правда, в ответах тут же предлагаются и методы борьбы со сложившейся ситуацией: «брать на себя инициативу», «организовать интересное дело», «нужен толчок, направление, чтобы равнодушие сменилось горячей заинтересованностью».

В центральной прессе такого рода проблемы не имели столь масштабного обсуждения или даже преобладали. Так, в комментариях редакции к комедии А. Хмелика «Пузырьки», опубликованной в «Пионере», отмечается, что автор «сознательно выводит в своей пьесе отряд пионеров, которого **не встретишь в жизни**», но при этом «доводит низость обманщиков до предела, до какой-то невыносимой концентрации, чтобы тебе было виднее, **как сражаться против этой лихой беды**» [28, с. 20].

Основные повседневные практики детей, представленные на страницах периодики, связаны, прежде всего, с регламентируемым и контролируемым пространством и временем. Пионерская организация должна была организовать детский досуг и тем самым формировать советского ребенка и в свободное от учебы время максимально широко распространяя контролируемое и регламентируемое пространство в жизни ребенка.

Печать содействовала вытеснению организованного пространством неорганизованного пространства детей. С этой целью местной печатью поднимались проблемы неоснащенности, захламленности конкретных дворов и детских спортивных площадок, в них находящихся, или вовсе их отсутствия: *«А где играть (во дворе дома № 12-А по улице Гуртьева)? Кругом ямы да бугры, канавы да холмы»* [29, с. 4], *«Во дворе дома № 3 по улице Путилова нет детской площадки, негде поиграть. Везде валы, бугры, мусорные кучи, горы ведер и кастрюль»* [30, с. 2].

И отчетливы попытки решить их путем привлечения сил собственно жильцов и комсомольских, пионерских активистов, в том числе в вопросе строительства спортивных площадок на территории школы: *«Вообще, к сооружению зимних спортплощадок надо смелее привлекать школьников... Организовать эту работу призваны комсомол, школа, учителя труда и физкультуры, шефы, и это стало бы*

еще одним реальным шагом в выполнении постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР о совершенствовании трудового воспитания школьников» [31, с. 4].

Для центральной печати этот вопрос имеет не меньшую значимость. Здесь можно встретить агитационные плакаты следующего содержания: *«Вот пример прекрасной хватки: Спорт любя и труд любя, Мы спортивные площадки Строим сами для себя!»* [32, об.]

Во дворах жилых домов важно было участие не только в материально-техническом обустройстве и оснащении, но и организации досуга: *«Ведь организация досуга детворы по месту жительства — одна из важнейших задач коммунистического воспитания подрастающего поколения»* [33, с. 2]. *«Во дворе дома № 132 по улице Богдана Хмельницкого физрук-общественник, ученик 7 класса школы № 31, проводит утреннюю зарядку с ребятами из своего двора»* [34, с. 4].

Спорт, пожалуй, — одно из важных достижений советского времени. Программа построения коммунизма за двадцать лет предусматривала вовлечение в физкультурное движение все более широких слоев населения, особенно молодежи, утверждалось, что *«физкультура и спорт прочно войдут в повседневный быт людей»* [35, с. 121].

В Омске наиболее развитыми видами спорта были хоккей и художественная гимнастика. Большую популярность имеет турнир «Золотая шайба», призванный выявлять будущий золотой фонд хоккея [36, с. 4], омские спортсмены занимали призовые места на соревнованиях общероссийского масштаба. Так, например, в 1967 году проходила матчевая встреча по художественной гимнастике, участвовали 74 спортсменки из 10 городов Урала, Сибири и Дальнего Востока. Омские гимнастки завоевали первое и второе места и общекомандное первенство [37, с. 4].

В 60 — 70-е гг. XX века продолжалась послевоенная пора мирного строительства, что не могло не отразиться на детской периодике. Нарративное направление журнала сочетается в большей степени с идеологической составляющей дискурса детского журнала. Руководимая правящей Коммунистической партией, детская периодика создавала и в то же время стремилась отразить определенный образ советского ребенка и модель его повседневной жизнедеятельности. Печать создавала и отражала образ пионера прежде всего как постоянно трудящегося ребенка. Дети, наравне с взрослыми, признавались участниками социальных отношений — активными строителями коммунизма. Отсюда и соответствующая лексика, отобразенная в призывах к действию. Любая деятельность, за которую бы ни взялся ребенок, будь то учебная, или трудовая, отличается высокой степенью сознательности, пониманием всей ответственности, самостоятельностью, искренней любовью к труду. Процесс представляется радостным и обязательно общественно-значимым, полезным. Даже будучи очень существенной, работа (как процесс) в пионерской риторике оказывается немудреной — это крайне типичная суггестивная установка [38, с. 329].

Повседневное поведение омских детей определялось исходя из стремления служить на благо своей стране, «учиться, работать и жить по-коммунистически». Не ощутить влияние пропагандистского звена было невозможно как при определении круга деятельности, так и на уровне формирования определенного сознания. Но дети оставались детьми, и были

у них универсальные для детей всех стран и поколений интересы, занятия и переживания, которые не могли не отразиться в детской периодике. Для детей очень остро стояли проблемы личного характера: невнимание со стороны противоположного пола, взаимоотношения в семье, стоит ли девушке первой признаваться в своих чувствах [39, с. 3]. Как отмечает редакция, «такой обширной почты не вызывал ни один материал газеты. И какой почты!.. Самые разноречивые суждения, калейдоскоп мнений, десятки новых вопросов...» [40, с. 2]. Однако в целом в 1970-е годы наблюдается тенденция интерпретации организуемой активной жизнедеятельности в большей степени кажущейся, нежели реальной, остается чрезмерная масштабность лозунгов, *традиция* почитания труда.

Таким образом, периодическая печать являлась важнейшим инструментом, внедрявшим ценностные установки и нормы поведения, задаваемые коммунистической идеологией в повседневную жизнь омских детей. Центральная периодика, в данном случае в лице детского журнала «Пионер», служила формированию идеального коммунистического образа ребенка во всех его проявлениях, эстетически и физически развитого, посредством призывов, ярких лозунгов, примеров литературных героев. Местная же печать в большей степени отражает реальную повседневную деятельность детей, связанную прежде всего с обустройством, работой на пришкольном участке (посадка деревьев, клумб, ремонт школьного инвентаря), задействованы были дети и в строительстве трамвайных путей, трудились на полях и т. д. То есть в данном случае конкретные образы, имена, факты представляют каждодневную деятельность и поведение ребенка, затрагивая в том числе жизненные вопросы, волнующие детей куда больше, чем абстрактные установки правящей партии. Местная печать все же не отклоняется от формируемых государством стандартов, формируя определенный заданный центральной печатью образ детства посредством отражения под определенным углом реальной картины повседневных практик и актуальных местных вопросов в жизнедеятельности детей.

Библиографический список

1. Кондаков, И. В. «Ничего тут не поймешь!» (Дискурс детства в поэзии Д. Хармса) [Электронный ресурс] / И. В. Кондаков // *Общественные науки и современность*. — 2004. — № 2. — Режим доступа : <http://www.ecsocman.edu.ru/> (дата обращения: 11.01.2011).
2. Пионер. — М., 1962. — Декабрь. — № 12.
3. Маругина, Н. И. Дискурсивно-тематическая направленность детского журнала XVIII—XX вв. // *Язык и культура*. — Томск, 2011. — № 2 (14). — С. 29—35.
4. Ваиль, П. 60-е. Мир советского человека / П. Ваиль, А. Генис. — 3-е изд. — М. : Новое литературное обозрение, 2001. — 368 с.
5. Пионер. — М., 1961. — Февраль. — № 2.
6. Пионер. — М., 1978. — Январь. — № 1.
7. Пионер. — М., 1962. — Май. — № 5.
8. Молодой сибиряк. — Омск, 1978. — 21 декабря. — № 152 (5735).
9. Молодой сибиряк. — Омск, 1964. — 14 января. — № 14 (3267).

10. Пионер. — М., 1960. — Март. — № 3.
11. Пионер. — М., 1968. — Сентябрь. — № 9.
12. Молодой сибиряк. — Омск, 1962. — 26 сентября. — № 115 (3212).
13. Пионер. — М., 1960. — Октябрь. — № 10.
14. Молодой сибиряк. — М., 1962. — 21 февраля. — № 23 (3120).
15. Молодой сибиряк. — Омск, 1962. — 16 февраля. — № м21 (3118).
16. Молодой сибиряк. — Омск, 1962. — 22 июня. — № 74 (3171).
17. Молодой сибиряк. — Омск, 1974. — 24 января. — № 11 (4970).
18. Молодой сибиряк. — Омск, 1976. — 10 февраля. — № 17 (5288).
19. Молодой сибиряк. — Омск, 1970. — 19 мая. — № 61 (4406).
20. Пионер. — М., 1978. — Январь. — № 1.
21. Пионер. — М., 1961. — Сентябрь. — № 9.
22. Молодой сибиряк. — Омск, 1961. — 23 апреля. — № 49 (2991).
23. Молодой сибиряк. — Омск, 1976. — 28 февраля. — № 25 (5296).
24. Молодой сибиряк. — Омск, 1971. — 18 мая. — № 57 (4555).
25. Молодой сибиряк. — Омск, 1974. — 24 января. — № 11 (4970).
26. Молодой сибиряк. — Омск, 1967. — 19 мая. — № 58 (3935).
27. Молодой сибиряк. — Омск, 1974. — 12 января. — № 6 (4965).
28. Пионер. — М., 1965. — Октябрь. — № 10.
29. Молодой сибиряк. — Омск, 1974. — 8 июня. — № 69 (5028).
30. Молодой сибиряк. — Омск, 1975. — 17 июня. — № 72 (5187).
31. Молодой сибиряк. — Омск, 1978. — 12 января. — № 5588.
32. Пионер. — М., 1961. — Январь. — № 1.
33. Молодой сибиряк. — Омск, 1964. — 4 сентября. — № 108 (3517).
34. Молодой сибиряк. — Омск, 1963. — 7 июля. — № 68 (3321).
35. Программа Коммунистической партии Советского Союза. — М. : Госполитиздат, 1961. — 144 с.
36. Молодой сибиряк. — Омск, 1969. — 13 марта. — № 31 (4220).
37. Молодой сибиряк. — Омск, 1967. — 6 октября. — № 118 (3995).
38. Леонтьева, С. Трудовое детство / С Леонтьева // *Отечественные записки*. — М., 2003. — № 3. — С. 323—333.
39. Молодой сибиряк. — Омск, 1974. — 3 января. — № 2 (4961).
40. Молодой сибиряк. — Омск, 1974. — 8 марта. — № 29 (4988).

НУРКИНА Кымбат Кайсаровна, аспирантка кафедры отечественной истории.
Адрес для переписки: kuba_1716@mail.ru

Статья поступила в редакцию 17.09.2014 г.

© К. К. Нуркина

КАДРОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЗДРАВООХРАНЕНИИ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД С 1964 ПО 1991 ГГ.

В статье рассматриваются кадровые изменения в здравоохранении Тюменской области в условиях создания нефтегазодобывающей промышленности. Изучение этого вопроса увеличивает количество исследуемых исторических проблем, расширяет знания по одной из мало изученных страниц истории Тюменского региона. Материалы статьи могут быть полезны для проведения исследований по истории здравоохранения в Сибири. Информационный материал может быть использован для разработки самостоятельных спецкурсов, а также как дополнительный материал для прочтения курсов по истории отрасли, региона. Кадровая политика здравоохранения в Тюменской области в условиях нехватки средств и людей проводилась целенаправленно и систематически, но показатели росли крайне медленно и были значительно ниже показателей по РСФСР и существующих плановых нормативов.

Ключевые слова: повышение квалификации, текучесть кадров, жилищная проблема, укомплектованность, обеспеченность кадрами, история здравоохранения.

В период с 1964 – 1991 гг. в Тюменской области существовали большие трудности в организации медицинской помощи населению, особенно северных национальных округов, где ускоренно развивались нефтегазовая промышленность, строительство новых городов, а сфера здравоохранения была не развита. Обеспечение медицинских учреждений квалифицированными кадрами стало одной из первоочередных задач здравоохранения Тюменской области.

Продолжительное время в Тюменском регионе ощущалась хроническая нехватка медицинских кадров. Поэтому в поликлиниках, работавших по участковому принципу, тормозилось разукрупнение участков. В 1963 г. в Ялуторовске на одном из пяти терапевтических участков не было врачей. По городам, посёлкам области 35 % населения обслуживалось фельдшерами [1, л. 32]. В 1964 г. в городах, рабочих посёлках из 89 врачебных участков 16 обслуживались фельдшерами [2, л. 301].

В 1965 г. насчитывался 1771 врач и 8481 средний медработник. На 10000 человек приходилось 13,7 врача и 69,1 средних медработника. Самое большое количество врачей было по югу области (1376) и в г. Тюмени (404), а лучшая обеспеченность ими — в г. Ханты-Мансийске (29,3) и Салехарде (48,4). В Ханты-Мансийском округе в 1965 г. фиксировалось врачей больше (230), чем в Ямало-Ненецком округе (165). Однако обеспеченность на 10000 человек составляла в Ханты-Мансийском районе 10,0, а в Ямало-Ненецком 23,4 врача и, соответственно, 64,6 и 103,7 средних медработника [3, с. 26, 29, 30, 33; 4, с. 16; 2, л. 43]. Показатели не были удовлетворительными, если учесть громадную территорию округов, малую плотность и большой процент кочующего населения, отсутствие регулярных средств связи. Особенно тяжёлое положение с медицинскими кадрами было в Ханты-Мансийском районе: из 41 участковой больницы 18 не были укомплектованы врачами. Не хватало примерно 300 средних медицинских работников [5, л. 40].

Между тем в короткий срок Тюменская область превратилась в ведущий энергетический район страны. Открытие нефтегазовых месторождений в северных национальных округах привлекало большое количество нового населения, строились молодые промышленные города, посёлки. Численность населения области за период с 1959 по 1970 гг. выросла на 12,9 % (314000 человек), населения Ямало-Ненецкого — на 12,8 % (17700 человек), населения Ханты-Мансийского округа — на 119 % (147300 человек) [6]. Нужно было создать условия, необходимые для сохранения здоровья всех жителей области.

Проблема нехватки кадров решалась поэтапно. В 1963 г. в Тюмени был открыт медицинский институт с лечебно-профилактическим и фармацевтическим факультетами. На базе областной и городских больниц были созданы клинические кафедры института. Решением исполнительного комитета Тюменской области (промышленного) Совета депутатов трудящихся № 382 от 10.09.1963 г. было создано Ишимское медицинское училище. 27 мая 1965 года исполком Тюменского областного Совета депутатов трудящихся принял решение об открытии медицинского училища в г. Ялуторовске в связи с острым недостатком средних медицинских кадров в области. С 1965 по 1991 гг. всего в области имелось 6 средних медицинских учебных заведений. Тюменское медицинское училище было образовано в 1921 г., Ханты-Мансийское — в 1934 г., Тобольское — в 1954 г., Салехардское — в 1955 г. Училища Салехарда и Ханты-Мансийска готовили кадры для обслуживания населения национальных округов [7, с. 8]. Повысился набор студентов в медицинские училища с 660 в 1963 г. до 780 в 1964 г. [1, л. 108].

В медицинские учреждения округов в 1964 – 1965 гг. было направлено 214 врачей, в т. ч. в Ханты-Мансийский округ — 137 врачей, а в Ямало-Ненецкий округ — 77 врачей. Врачей-педиатров было направлено в национальные округа по 21 специалисту, средних мед-

работников 297 человек [5, л. 39]. В 1969 г. состоялся первый выпуск врачей Тюменского государственного мединститута, лечебно-профилактические учреждения получили 180 молодых специалистов [2, л. 43]. За период с 1970 по 1980 гг. Тюменский медицинский институт направил для работы в область около 3000 выпускников [8, л. 10]. В 1980-х гг. ежегодно численность врачей в области стала увеличиваться на 450–500 человек, средних медицинских работников — на 1400–1500 человек за счёт выпускников Тюменского мединститута, шести медицинских училищ [9, л. 71].

Укомплектование учреждений здравоохранения кадрами производилось в соответствии со специальными приказами Минздрава СССР о штатных нормах медперсонала. Они рассчитывались по заболеваемости, численности населения, показателям его здоровья, числу, мощности учреждений здравоохранения на определённый период [10, с. 135].

XXIII съезд КПСС в 1966 г. наметил мероприятия по совершенствованию специализированной медицинской помощи [7, с. 7]. В VIII пятилетке нужны были педиатры, инфекционисты, врачи терапевтического и хирургического профиля [11, с. 162].

В 1967–1969 гг. для ранней специализации будущих врачей в стране была проведена реформа медицинского образования по инициативе Минздрава СССР. В рамках вузов они проходили субординатуру, затем интернатуру в крупных лечебно-профилактических учреждениях. Подготовка врача-специалиста стала занимать 7 лет, каждые 5 последующих лет врач проходил повышение квалификации [12, с. 524].

К началу 1970 г. СССР вышел на первое место в мире по количеству врачей на 10000 населения [12, с. 524]. Однако в Тюменской области в 1970 г. обеспеченность врачебными кадрами продолжала оставаться неудовлетворительной: по области насчитывалось 2580 врачей и 11736 средних медработников, обеспеченность на 10000 человек составляла 18,1 врача и 82,5 средних медработника [3, с. 26, 29, 30, 33; 4, с. 16; 2, с. 43]. Особенно низкая обеспеченность врачами по-прежнему фиксировалась в Ханты-Мансийском округе — 13,8 на 10000 населения [5, л. 70].

На XXIV съезде КПСС в 1971 г. была поставлена задача: увеличить численность врачей, повысить уровень подготовки медицинского персонала [13, с. 35].

Существовали и другие кадровые проблемы. Главной из них в 1970-х гг. была нехватка среднего медицинского персонала. Сеть медучилищ в Тюменской области практически не развивалась, количество выпускников оставалось неизменным. Довести соотношение врачей и средних медработников к 1991 г. до уровня 1/4 так и не удалось [12, с. 524].

Дефицит медицинского персонала в значительной степени усугублялся неравномерным распределением медицинских кадров внутри регионов. В г. Тюмени фиксировалась низкая обеспеченность медицинскими кадрами. В столицах северных округов она была намного выше, чем по самим округам. Обеспеченность врачами в области в 1975 г. составляла 25,9, по югу области — 27,0, по Ханты-Мансийскому округу — 22,9, по Ямало-Ненецкому округу — 26,7, г. Тюмени — 29,1, Ханты-Мансийску — 52,6, Салехарду — 54; средними медицинскими работниками: по области — 93,6, по югу области — 93,0, по Ханты-Мансийскому округу — 92,4, по Ямало-Ненецкому округу — 103,9, Тюмени — 77,4, Ханты-Мансийску — 184,4, Салехарду — 195,5 [3, с. 30, 33].

Ещё одной проблемой являлась большая текучесть врачебных кадров, особенно в северных округах: из области ежегодно выезжало 180–200 врачей [5, л. 70].

Ежегодно численность врачей в области увеличивалась за счёт выпускников областных медицинских учебных заведений, но необходимого количества врачей не набиралось, что отражалось на качественных показателях. В городах Тюмени, Тобольске, территориях автономных округов ведущей причиной являлось неудовлетворение потребности в жилье. В южных районах плохо проводилась профориентация молодёжи на учёбу за счёт колхозов, совхозов [9, л. 71].

XXV съезд КПСС 1976 г. для обеспечения районов Сибири, Дальнего Востока кадрами предусматривал быстрые темпы строительства жилых домов и культурно-бытовых учреждений, подготовку 9,6 млн специалистов с высшим и средним специальным образованием. Особое внимание уделялось обеспечению кадрами районов интенсивного развития производительных сил [14].

За период с 1970 по 1980 гг. численность врачей увеличилась почти на 3,7 тысяч человек (в 2,2 раза). Значительно (в 1,8 раза) выросла численность среднего медицинского персонала. Это позволило довести обеспеченность на 10000 населения врачами до 33,7 (по РСФСР — 39,1), а средним медперсоналом — до 1213,8 [15, л. 10]. Однако большая текучесть медицинских кадров, особенно в сельских районах, сохранялась. В 1981 г. не имели ни одного врача 18 участковых больниц, врачебных амбулаторий. Из-за отсутствия врачей в области не работало 9 зубо-врачебных кабинетов [9, л. 75].

XXVI съезд КПСС 1981 г. подчёркивал необходимость выравнивания социальных различий по территориальному признаку. Несмотря на надбавки к зарплате, человек уезжал из Сибири потому, что там труднее было получить жильё, устроить в детский сад ребёнка, мало было культурных центров. В XI пятилетке планировалось вести в этих районах первоочередное строительство жилья, социально-культурного комплекса, улучшать снабжение населения товарами массового спроса. За 5 лет намечалось построить 530–540 млн кв. м жилья [16, с. 54, 106].

В 1982 г. в сельскую местность было направлено 314 выпускников медучилищ (в 1983 г. — 370) и 170 врачей. На работу в области — 1000 выпускников медучилищ. В 1982–1983 гг. в область прибывало до 400 выпускников мединституты [9, л. 84], но из-за большой текучести кадров в 1983 г. не удалось полностью укомплектовать врачами терапевтические, педиатрические, цеховые участки, станции скорой и неотложной медицинской помощи, участковые больницы, врачебные амбулатории и средними медработниками — фельдшерско-акушерские пункты. Из-за плохой профориентационной работы на стипендии колхозов и совхозов обучались в мединституте всего 84 человека, в медицинских училищах — 96 человек [9, л. 62, 71].

С начала освоения нефтегазовых месторождений в 1965 г. жилой фонд вырос к 1982 г. в 3 раза, образовалось 10 новых городов и более 40 рабочих посёлков, население увеличилось на 1 млн человек, среднегодовые темпы прироста в 6 раз превышали показатели по РСФСР в целом. Ежегодно ввод жилья в XI пятилетке по сравнению с предыдущей увеличился в 2 раза. Однако вследствие быстрого роста населения, невыполнения планов строительства жилья обеспеченность им в расчёте на душу населения оставалась низкой [15, л. 39, 41].

В 1983 г. состоялся съезд средних медработников Тюменской области. Их работа координировалась организациями здравоохранения вместе с местными

партийными, профсоюзными, комсомольскими организациями. Советы средних медицинских работников помогали организаторам здравоохранения. Их активная деятельность вместе с советом наставников и ветеранов позволила преодолеть трудности по недостаточной укомплектованности, большой текучести кадров, профориентации выпускников медучилища. [9, л. 256 – 263].

В середине 1980-х гг. обслуживание населения осуществлялось в соответствии с постановлением ЦК и Совета министров СССР № 870 от 22.09.77. «О мерах по дальнейшему улучшению народного здравоохранения» и № 773 от 19.02.82 «О дополнительных мерах по дальнейшему улучшению охраны здоровья населения», также директивными документами, изданными Советом министров СССР, РСФСР, Минздравами СССР, РСФСР и исполкомом Тюменского областного Совета народных депутатов. В них основными задачами назывались организация обслуживания новых посёлков и городов северных автономных округов, совершенствование медицинского обслуживания существующих посёлков и городов, в том числе путём укомплектования учреждений здравоохранения квалифицированными медицинскими кадрами [9, л. 60].

XXVII съезд 1986 г. наметил в XII пятилетке вывести отрасли социально-культурной сферы на качественно новый уровень, усилить профилактическую направленность здравоохранения, охрану окружающей среды, изменить отношение к строительству социально-культурных учреждений как к делу второстепенному. В 1986 – 1991 гг. было намечено увеличить ввод в действие жилых домов общей площадью до 565 – 570 миллионов кв. м [17].

В отчёте Облздравотдела о выполнении постановления Совета министров РСФСР № 318 от 27.07.86 «О дополнительных мерах по улучшению медицинского обслуживания в колхозах и совхозах РСФСР в 1986 – 1990 гг.» в Тюменском, Сладковском и Ишимском районах говорилось о высокой текучести кадров. В Тюменском районе: за 1986 – 1988 гг. уволилось 49 врачей, было принято на работу 70 врачей, средних медицинских работников соответственно — 189 и 228 [18, л. 54].

Коллегия Облздравотдела от 04.11.88 г. в решении «О работе по закреплению медицинских кадров на местах» отметила, что организаторы территориального здравоохранения не уделяли должного внимания вопросам укомплектования стабильными кадрами медицинских учреждений, что организующая роль сектора кадров Облздравотдела была недостаточной. В области сохранялась большая текучесть кадров, низкая укомплектованность врачами учреждений здравоохранения юга области, длительное отсутствие узких специалистов по ряду районов, неудовлетворительная укомплектованность фельдшерско-акушерских пунктов, перераспределение молодых специалистов из-за отсутствия бытовых условий, недостаточное внимание организаторов здравоохранения к профориентационной работе, обеспечению медицинских работников социально-бытовыми условиями. Коллегия решила считать работу по закреплению кадров на местах важнейшим разделом своей деятельности. Планировалось в 1989 г. укомплектовать средними медицинскими работниками все фельдшерско-акушерские пункты, врачами — все участковые больницы, заявку на молодых специалистов подавать в отдел только при возможности обеспечения жильём [19, л. 11].

Тем не менее в 1989 г. обеспеченность врачами снизилась до 37,1 на 10000 человек из-за непробытия

на работу в область 123 врачей из выпуска 1989 г. Обеспеченность средним медперсоналом на 10000 населения увеличилась с 105,6 в 1985 г. до 112,0 в 1988 г. В 1989 г. она снизилась до 108,2. На конец 1989 г. без врачей осталось 5 участковых больниц из 106, 7 участковых амбулаторий из 41 [18, л. 61]. В отчётах отдела здравоохранения указывалось, что лечебные учреждения плохо комплектовались кадрами [20, л. 26].

На 1986 – 1990 гг. Минздрав СССР соотношение врачей и медсестер планировал довести до 1/3,5. С 1985 г. наметилась тенденция неосторожного роста врачей (557,7 тыс. в 1985 г., или 12,7 на 10 000 человек населения в 2005 г.). Однако происходило сокращение числа лиц среднего медицинского персонала (1383,1 млн в 1985 г.; 14483 в 1999 г.). Соотношение врачей и сестринского персонала, равное в развитых зарубежных странах 1/4, у нас в 1999 г. составляло 1/2,36. Показатели обеспеченности медперсоналом сельского населения были значительно ниже, чем в городах, и сохраняли тенденцию к снижению [10, с. 505].

На съездах КПСС 1966- 1990 гг. большое значение придавалось повышению качества подготовки кадров, увеличению выпуска специалистов по новым направлениям [16, с. 106].

Одной из форм повышения квалификации и закрепления персонала на рабочих местах была аттестация медработников, присваивание им различных категорий. Повышение квалификации осуществлялось в институтах усовершенствования врачей, на факультетах усовершенствования врачей мединститутов, путём специализации врачей на базе крупных медицинских учреждений в областных центрах и крупных городах, подготовки на рабочих местах в научно-исследовательских учреждениях, различных форм курсовой подготовки. Постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР № 870 1977 г. «О мерах по дальнейшему улучшению народного здравоохранения» было предусмотрено увеличение подготовки врачей-педиатров, провизоров, среднего медперсонала, особое внимание уделено повышению квалификации врачей в институтах, на факультетах усовершенствования врачей, во вновь создаваемых училищах повышения квалификации средних медработников [21].

В Приказе Минздрава СССР от 12 декабря 1978 г. № 1212 «О мерах по совершенствованию системы повышения квалификации специалистов со средним медицинским и фармацевтическим образованием» говорилось об организации училищ для повышения квалификации средних медицинских и фармацевтических работников, о создании учебно-материальной базы, подборе высококвалифицированных кадров, обеспечении обучения на современном уровне и т.д. [22].

В области с 1965 по 1983 гг. было аттестовано 1117 фельдшеров, акушерок, зубных врачей, 2177 медицинских сестёр, лаборантов. Ежегодно повышали квалификацию на курсах усовершенствования и специализации на базе учреждений г. Тюмени 700 средних медицинских работников по 33 специальностям. Областной Совет медицинских сестёр проводил учёбу, смотры, конкурсы медсестёр и фельдшеров, областные семинары, читательские конференции по специализированным журналам.

В районах области регулярно проводилась учёба средних медицинских работников на местных базах. В Исетском, Абатском, Ишимском, Советском, Тазовском районах, г. Ишим к этой форме учёбы относились ответственно. Нерегулярно проходила эта форма учёбы в Уватском и Бердюжском районах. [9, л. 256 – 260].

За 1981 г. повышение квалификации врачей и провизоров прошло 956 врачей, в том числе в институтах усовершенствования врачей и на факультетах усовершенствования при мединститутах — 487, на курсах информации и стажировки — 469. За 1985 г. было обучено 972 врача, из них в институтах — 700, на курсах — 272. [23, л. 9, 93].

Постепенно повышались обеспеченность населения врачами и средними медицинскими работниками, уровень их подготовки, квалификация. Однако показатели росли крайне медленно и были значительно ниже показателей по РСФСР и существующих плановых нормативов. В «Концепции развития здравоохранения и медицинской науки» (ноябрь 1997 г.) подчёркивалось, что разработка и исполнение территориальных целевых программ здравоохранения будут осуществляться на основе региональных ресурсов [24]. В период с 1964 г. по 1991 г. в Тюменском регионе разворачивались процессы, образующие основу современного медицинского обслуживания края, поэтому сегодня изучение причин его замедленного развития необходимо для осознания современного состояния здравоохранения Тюменской области, преодоления кризисных явлений и формирования перспектив дальнейшего развития.

Библиографический список

1. ГАТО. Ф. 1725. Оп. 1. Д. 611.
2. ГАТО. Ф. 1725. Оп. 1. Д. 710.
3. Здравоохранение Тюменской области в 1965–1975 гг. : стат. сб. / Тюменский областной отдел здравоохранения. Бюро медицинской статистики. — Тюмень, 1977. — 316 с.
4. Кожевников, В. М. Развитие здравоохранения в области (некоторые количественные показатели) / В. М. Кожевников // Развитие здравоохранения в Тюменской области за годы Советской власти. — Тюмень : Средне-Уральское кн. изд-во, 1968. — 136 с.
5. ГАТО. Ф. 1725. Оп. 1. Д. 712.
6. Тюмень и Тюменская область — все истории страницы. ТВ — Тюмень [Электронный ресурс] // TVTM.ru. — Режим доступа : <http://tvtm.ru/stati/spravochhnaja-v-gorodah-rossii/tyumen-i-tyumenskaja-oblast-vse-istorii.html> (дата обращения: 10.09.2014).
7. Семовских, Ю. Н. Здравоохранение Тюменской области за 50 лет / Ю. Н. Семовских // Развитие здравоохранения в Тюменской области за годы Советской власти. — Тюмень : Средне-Уральское кн. изд-во, 1968. — 136 с.
8. ГАТО. Ф. 1725. Оп. 1. Д. 1105.
9. ГАТО. Ф. 1725. Оп. 1. Д. 1119 а.
10. Лисицын, Ю. П. Общественное здоровье и здравоохранение / Ю. П. Лисицын. — М. : ГЭОТАРМЕД, 2002. — 512 с.
11. Материалы XXIII съезда КПСС. — М. : Изд-во полит. лит., 1966. — 304 с.
12. Сорокина, Т. С. История медицины / Т. С. Сорокина. — М. : Академия, 2004. — 559 с.
13. Материалы XXIV съезда КПСС. — М. : Изд-во полит. лит., 1972. — 302 с.
14. Материалы XXV съезда КПСС. — М. : Изд-во полит. лит., 1976. — 302 с.
15. ГАТО. Ф. 1725. Оп. 1. Д. 1105.
16. Материалы XXVI съезда КПСС. — М. : Изд-во полит. лит. — 306 с.
17. XXVII съезд КПСС [Электронный ресурс] : стеногр. отчёт. — Режим доступа : <http://soveticus5.narod.ru/85/xviii2.htm> (дата обращения: 02.09.2014).
18. ГАТО. Ф. 1725. Оп. 1. Д. 1222 а.
19. ГАТО. Ф. 1725. Оп. 1. Д. 1242.
20. ГАТО. Ф. 1725. Оп. 1. Д. 1264 а.
21. О мерах по дальнейшему улучшению народного здравоохранения : постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР 1977 г. № 870 // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_9432.htm (дата обращения: 03.09.2014).
22. О мерах по совершенствованию системы повышения квалификации специалистов со средним медицинским и фармацевтическим образованием : приказ Минздрава СССР [от 12.12.1978 № 1212] // Документы СССР [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.bestpravo.ru/sssr/gnpraktika/wOp.htm> (дата обращения: 02.09.2014).
23. ГАТО. Ф. 1725. Оп. 1. Д. 1109.
24. Концепции развития здравоохранения и медицинской науки (ноябрь 1997 г.) [Электронный ресурс] // Медицина и право. — Режим доступа : <http://www.med-pravo.ru/Common/Conception/ConcepMed-1.htm> (дата обращения: 12.09.2014).

ШОРОХОВА Ирина Ивановна, аспирантка кафедры истории и культурологии.
Адрес для переписки: Shorohovairina@mail.ru

Статья поступила в редакцию 17.09.2014 г.
© И. И. Шорохова

Книжная полка

Кириллов, В. В. История России для технических вузов : учеб. для акад. бакалавриата / В. В. Кириллов, М. А. Бравина. — М. : Юрайт, 2014. — 650 с. — ISBN 978-5-9916-4112.

В учебнике представлено лаконичное изложение всей истории России с древних времен и до наших дней. В результате обучения студенты будут иметь комплексное представление о культурно-историческом развитии России, ее месте в мировой цивилизации; знать основные закономерности и особенности всемирно-исторического процесса с акцентом на изучение истории России; исторические проблемы, связанные с областью будущей профессиональной деятельности; иметь навыки получения, анализа и обобщения исторической информации. Многочисленные схемы и таблицы, которыми сопровождается текст, помогут более наглядно представить особенности исторических периодов, внешней и внутренней политики России на разных этапах истории, наиболее значимых событий. Контрольные вопросы позволят проверить степень усвоения теоретического материала.

К ВОПРОСУ О МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АРХИМАНДРИТА МАКАРИЯ (1828—1844 гг.)

Рассматриваются биография архимандрита Макария (Глухарёва) — сибирского миссионера и просветителя жителей Алтая, его труды по созданию и работе Алтайской духовной миссии, миссионерских станов, деятельность миссии с новокрещеными.

Ключевые слова: архимандрит Макарий, Алтайская миссия, миссионерский стан, Русская православная церковь.

Хотя деятельность архимандрита Макария освещалась как в дореволюционный, так и в постсоветский периоды, отдельные эпизоды деятельности архимандрита Макария на современном этапе исследования миссионерской деятельности в Сибири практически не рассматривались. Автор рассматривает начальный период становления Алтайской духовной миссии и привлечение основных помощников к этому делу, обращается к деятельности основателя Алтайской духовной миссии, выдающегося миссионера и просветителя коренного населения Алтайского края в период становления миссии с 1830 по 1844 гг.

Основатель Алтайской миссии архимандрит Макарий, в мире Михаил Яковлевич Глухарёв, родился 8 ноября 1792 г. в городе Вязьме Смоленской губернии в день Архистратига Михаила. Отец его, священник Введенской соборной церкви Иаков и мать Агапия Глухарёвы вели скромную и благочестивую христианскую жизнь, за что пользовались любовью современников. В семье кроме Михаила был второй — младший — сын Алексей.

Отец Иаков окончил полный курс семинарии, что в то время было редкостью, зачастую в священство ставили не только недоучившихся семинаристов, но и малограмотных причетников [1]. Первоначально он сам занимался образованием своего сына и настолько подготовил его, что восьмилетнего Михаила принимают в 3-й класс Вяземского духовного училища, из которого переводят в Смоленскую духовную семинарию. В 1813 г. он оканчивает семинарию со званием студента и направляется учителем в Смоленское духовное училище. Через год после окончания курса посылается начальством в Петербургскую духовную академию. В 1817 г. Михаил Яковлевич блестяще оканчивает академию со степенью магистра богословия [2]. После окончания академии в 1817 г. со степенью магистра богословия он направлен в Екатеринославскую семинарию учителем истории и немецкого языка. 24 июня 1818 г. Екатеринославский архиепископ Иов постриг его в монашество с наречением имени Макария. 25 июня он рукоположен в иеродиакона, а 28 июня — в иеромонаха [3].

Кроме преподавания в семинарии Макарий выполнял обязанности ректора уездного и приходского училищ [4]. Административные обязанности тяготили молодого монаха, весной 1820 г. он пишет прошение

об увольнении по состоянию здоровья и 9 марта 1821 г. покидает Екатеринослав. При содействии архиепископа Филарета (Дроздова), ректора Санкт-Петербургской духовной академии, расположенного к способному студенту ещё с обучения в ней, 20 февраля 1821 г. Макарий был назначен ректором Костромской семинарии. Вскоре он был возведён в сан архимандрита и назначен наместником Богоявленского монастыря. Напрягая все силы, четыре года трудился Макарий, восстанавливая монастырь, в итоге архимандрит сильно подорвал своё и так слабое здоровье. В 1825 г. Святейший Синод освободил Макария от занимаемых должностей, и он был уволен на покой.

Аскетически настроенный, 29 декабря 1825 г. он прибыл в Глинскую пустынь. Четыре года подвизался монах в Глинской пустыни под началом настоятеля старца Филарета (Данилевского) [5]. В 1828 г. [6], для просвещения светом Православия коренных жителей, Святейший Синод учредил в Тобольской епархии специальную миссию, поручив Тобольскому архиепископу преосвящённому Евгению (Казанцеву) найти из числа духовенства епархии наиболее подходящих для миссионерской деятельности людей. Эта миссия, основанная по Высочайшему повелению 15 декабря 1828 г., была открыта в 1830 г. архимандритом Макарием [7]. В 1829 г., откликнувшись на призыв Тобольского архиепископа Евгения, иеромонах Макарий назначен Тобольским миссионером [8].

Первый выезд в Горный Алтай был осуществлён в августе 1830 г., а уже 7 сентября совершено первое крещение в Улале: был крещён юный инородец Элеска с наречением имени Иоанн. День первого крещения принято считать днём рождения Алтайской духовной миссии [6, с. 39]. 23 мая 1831 г. арх. Макарий прибыл в селение Майма, где основал первый миссионерский стан. На праздник Вознесения, в походной церкви, была отслужена первая литургия. За 14 лет служения архимандрита Макария в должности начальника миссии было открыто три миссионерских стана: в Майме (1831 г.), Улале (1834 г.) и Мьюте (1839 г.) [6, с. 42—43]. Селение Майма состояло из 10 домов давно крещёных инородцев и находилось в 90 верстах к югу от Бийска [2, с. 39].

Что же являл собой миссионерский стан архимандрита Макария? Он включал в себя помещение для походной церкви, где совершалось богослужение,

и несколько деревянных изб для проживания миссионера и причетников. Алтарная часть богослужебного дома отделялась от остального помещения походным иконостасом [6, с. 50]. При миссии был заведён огород, возделывал который бывший украинский крестьянин Пётр Терентьевич Лисицкий, знавший земледелие и огородничество, а также хозяйственную часть [2, с. 50]. Он был из государственных крестьян Старо-Оскольского уезда, попавший в Сибирь на поселение за то, что пропустил в ревизии своего племянника. Грамотный и благочестивый, он приютился при миссии и неутомимо служил миссии до конца своей жизни, выполняя различные послушания. Он читал в церкви, пёк хлеба, ходил за огородом, наблюдал за новокрещёными в роли благочинного, всегда пешком обходя их жилища, как бы далеко они ни находились. Одежду, как и пищу, старец Пётр использовал самую простую, его смерть в 1840 г. была серьёзной утратой для архимандрита, любившего его и находившего утешение в общении с ним [9].

Архимандрит Макарий большое значение придавал устройству осёдлого быта новокрещёных, с этой целью он сам с помощью книг, различных пособий по хлебопашеству и огородничеству и помощи опытного в этом деле старца Петра изучал оптимальные способы возделывания земли. Получив навыки, архимандрит Макарий сам лично учил новокрещёных высаживать овощи и ухаживать за огородом [2, с. 50]. Благодаря предпринятым усилиям селения Майма, Улала, Верхний и Нижний Карагужи, где селились новокрещёные, проявились как способные ученики русского сельского хозяйства [2, с. 50].

Деревянный дом, в котором жил архимандрит Макарий, состоял из двух комнат, разделённых сенями, в одной комнате жил он сам, в другой — сотрудники миссии. Дом этот в соответствии с потребностями миссии выполнял сразу несколько функций: он был приёмной, училищем, кухней, библиотекой и даже аптекой [2, с. 54]. Как располагался первый миссионерский стан, отчётливо прослеживается из плана землеотвода стана в 1830 г. и описания представленного в труде протоиерея Георгия Крейдуна [10]. Площадь стана около 1 га, он обнесён оградой, внутри которой расположен дом миссионера, а также дом, в котором жил толмач с семьёй, состоящий из двух изб под одной кровлей. Избы включали в себя две комнаты, разделённые сенями. Вне территории стана были ещё два дома, используемые для проживания новокрещёными без жилья. Благодаря старанию архимандрита Макария и благотворительности купца М. Е. Шебалина, в Майме в 1843 г. начато строительство храма, первого каменного здания Горного Алтая, в перестроенном виде здание сохранилось до наших дней [6, с. 49–50]. До 1835 г. в Майме находился главный стан Алтайской миссии, затем он был переведён в Улалу [11]. В этом селении только четыре семьи алтайцев были христианскими [2, с. 43], и жители встретили архимандрита Макария враждебно, но затем по прошествии времени полюбили его и в течение 1835–1836 г. все крестились [2, с. 43]. Улаинский стан был основан Макарием при впадении реки Улалы в Майму. В 1835 г. был построен дом, где разместилась миссия с походной церковью [12].

В этом же году по Высочайшему повелению за ревностное служение и подвиги в деле проповедания слова Божия архимандрит Макарий был награждён золотым наперстным крестом, украшенным драгоценными камнями [13]. В 1834 г. в 130 верстах к югу от Улалы было основано селение Мьюта, заселённое одними новокрещёными алтайцами [2, с. 50]. В даль-

нейшем в 1847 году иеромонахом Акакием (в миру Артемий Григорьевич Левицкий) здесь устроен миссионерский стан [14]. В 1838 г. архимандрит завёл больницу, богадельню, куда принимал бездомных и принимал для лечения опасно больных. Язычники охотно шли к Макарию лечиться и многие из них крестились [2, с. 51]. За восемь с лишним лет служения в Сибири, странствуя по её просторам то верхом, то в санях, то в телеге, испытывая на себе все превратности местного климата, арх. Макарий строил своё и так слабое здоровье, особенно зрение. Остро ощущая потребность отдохнуть и заняться своим здоровьем, он обратился в Синод с просьбой предоставления отпуска и поездки в Петербург для консультаций с врачами. 13 июля 1838 г. указом Святейшего Синода отцу Макарию разрешалось отправиться в путь в сопровождении его брата священника Алексея Глухарёва (направленного в миссию с согласия Святейшего Синода в 1837 г.) для поправки здоровья [9, с. 447–453]. После лечения в обратный путь с архимандритом Макарием поехали его брат — отец Алексей, студент ветеринарного отделения медико-хирургической академии Артемий Ловицкий, изъявивший желание поступить в миссию, и постоянный спутник архимандрита А. А. Орлов.

Почти в одно с ними время отправилась служить в Алтайской миссии девица София Густавовна де Вальмон — первая подвижница женщина, сменившая столичное жительство на суровые будни Алтая. Сирота, дочь убитого в Бородинском сражении офицера Густава Филипповича де Вальмона, она воспитывалась в Смольном монастыре пансионеркой императрицы Марии Феодоровны и при выпуске была удостоена золотой медали. Оставив мысль о замужестве, она желала посвятить себя делам благотворения и поехала служить при миссии женщинам и детям из новообращённых, помогая им и просвещая их [9, с. 459].

Возвращаясь в Сибирь, архимандрит Макарий по состоянию здоровья и из-за весенней распутицы задержался в Казани, где он сам и его спутники, используя вынужденную остановку, занялись повышением уровня образования, посещая лекции в Казанском университете. Они изучали татарский язык, брали уроки по анатомии, астрономии, посещали публичные лекции по другим наукам, а София Густавовна де Вальмон обучалась повивальному делу и даже побывала на практике [9, с. 466]. В 1840 г., прибыв в миссию, София де Вальмон основала в Майме небольшую девичью школу [7, с. 337]. В школе София обучала девочек грамоте, арифметике и церковному пению, некоторые ученицы жили в её домике, расположенном за оградой стана и состоящем из двух комнат, разделённых сенями. Она устраивала в своём доме для женщин публичные чтения, читая им святое Евангелие, книги духовно-нравственного содержания, а новокрещёным и оглашаемым женщинам написанное на татарском языке краткое изложение христианской веры. Приучала женщин к молитве и труду, раздавала им лён и волну, уча их прясть, а затем собирала пряжу, платя за работу готовым холстом, многим помогала Христа ради [9, с. 473].

В 1838 г. православные христиане, живущие в селе Улала, построили деревянную церковь десять с половиной метров в длину и пять с половиной метров в ширину. Освящён был этот первый храм Горного Алтая в честь Всемилового Спаса, такой антиминс находился в миссии [2, с. 39]. Второй антиминс в честь Божией Матери Одигитрии был выдан миссии лишь в 1840 г. [15]. Найденный в государственном

Таблица 1 [18]

	При архимандрите Макарии	В 1908 г.
Деятелей в Алтайской миссии	16–18	около 100
Церквей и молитвенных домов	3	70
Миссионерских станов	3	20
Поселений	4	200
Иностранческих домов	–	2700
Количество крещёных	675	21000
Школ	1–2	47

архиве Алтайского края план Улалинского улуса в 1844 г. и исторические свидетельства позволили протоиерею Георгию Крейдуну воспроизвести планировку Улалинского миссионерского стана во времена деятельности архимандрита Макария [10, с. 197]. В стане находились небольшая церковь и три дома. Два из них служили жильём для миссионеров (один с баней, перенесён из Маймы в 1842 году, второй построен для сотрудников миссии в том же 1842 г.), в третьем, выстроенном в 1839 году, находилась миссионерская школа [10, с. 198]. Вот как описывает Улалинский миссионерский стан в своих воспоминаниях мьютинский миссионер: «Церковь маленькая, низенькая, с походным иконостасом, колокольни при ней не было, колокола размещались на боковом крыльце, самый большой колокол весил 5 пудов [16]. Миссионерских построек мало, да и те ветхие и тесные: дом начальника миссии, другой небольшой домик, жилище миссионера-священника и училищный корпус, где помещались училище, учитель и все другие служащие» [17].

Плоды деятельности на Алтае и всей Сибири носят двоякий характер: непосредственные возникшие при явном участии архимандрита Макария и труды, плоды которых выращены из начал, заложенных архимандритом. Некоторые данные, раскрывающие это утверждение, опубликованные в «Прибавлении к церковным ведомостям» за 1908 г., приведены в табл. 1.

За 14 лет своего служения он перевёл на алтайский язык Евангелие, избранные места из Ветхого и Нового Заветов, краткую Священную историю, катехизис, огласительные поучения с толкованием заповедей и молитв, чин исповеди и вопросы крещения, составил краткий словарь. Несмотря на несовершенство трудов, они в течение 30 лет были единственным пособием на алтайском языке и явились основой дальнейших переводов [8, с. 101]. Кроме указанного выше, из недр Алтайской миссии возникла Киргизская миссия, о необходимости создания которой размышлял архимандрит Макарий.

4 июля 1844 г. архимандрит Макарий по болезни, из-за вконец расстроенного здоровья вынужден был оставить Алтайскую миссию и остаток своих дней провёл в Болоховском Тихвинском монастыре [19]. Здесь начинается новый период деятельности архимандрита Макария как пастыря-просветителя [20].

Библиографический список

1. Православное обозрение. — М., 1887. — Т. 2. — С. 286.
2. Архимандрит Макарий, основатель Алтайской духовной миссии. — СПб., 1892. — С. 9–14.
3. Широков, Сергей. Преподобный Макарий (Глухарёв) — апостол Алтая / Сергей Широков. — М., 2008. — С. 26–29.
4. Архимандрит Макарий, основатель Алтайской миссии // Прибавление к Церковным ведомостям. — СПб., 1888. — № 48. — С. 1264.
5. Нестеров, С. В. Словом и житием наставляя / С. В. Нестеров. — М., 2005. — С. 31.
6. Крейдун, Георгий. Алтайская духовная миссия в 1830–1919 годы: структура и деятельность / Георгий Крейдун. — М., 2008. — С. 36.
7. Православное обозрение. — М., 1864. — Т. 15. — С. 334.
8. Миссиология : учеб. пособие. — Белгород, 2009. — С. 99.
9. Православное обозрение. Июль // Материалы для биографии основателя Алтайской миссии архимандрита Макария. — М., 1888. — С. 470–471.
10. Крейдун, Ю. А. Миссионерское храмоздательство на Алтае / Ю. А. Крейдун. — Барнаул, 2013. — С. 194.
11. Ефимов, А. Б. Очерки по истории миссионерства Русской православной церкви / А. Б. Ефимов. — М., 2007. — С. 161.
12. Прибавление к Церковным ведомостям. — СПб., 1893. — № 28. — С. 1028–1029.
13. Архимандрит Макарий, основатель Алтайской миссии // Прибавление к Церковным ведомостям. — СПб., 1888. — № 49. — С. 1383.
14. Обзорение станов Алтайской духовной миссии в 1889 году // Томские епархиальные ведомости. — 1889. — № 20. — С. 15.
15. Материалы для биографии основателя Алтайской миссии архимандрита Макария (М. Я. Глухарёва) // Православное обозрение. — М., 1887. — Т. 2. — С. 352.
16. Воспоминания Мьютинского миссионера // Томские епархиальные ведомости. — 1893. — № 5. — С. 7.
17. Широков, Сергей Преподобный Макарий (Глухарёв) Апостол Алтая / Сергей Широков. — М., 2008. — С. 298.
18. Архимандрит Макарий (Глухарёв) в отношении к основанной им Алтайской миссии // Прибавление к Церковным ведомостям. — СПб., 1908. — № 13. — С. 619.
19. Памяти архимандрита Макария, основателя Алтайской миссии // Прибавление к Церковным ведомостям. — СПб., 1892. — № 46. — С. 1614.
20. Архимандрит Макарий, основатель Алтайской миссии // Прибавление к Церковным ведомостям. — СПб., 1888. — № 50. — С. 1411.

ГОЛУБЦОВ Сергей Владимирович, кандидат богословия, соискатель по кафедре философии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского; иерей, настоятель прихода в честь св. пророка Илии города Омска, докторант докторантуры и аспирантуры им. Кирилла и Мефодия Русской православной церкви Московского патриархата. Адрес для переписки: г. Омск, ул. Интернациональная, 25.

Статья поступила в редакцию 09.02.2015 г.

© С. В. Голубцов